

Анна Богданова

Пять лет замужества. Условно

«ЭКСМО»

2008

Богданова А. В.

Пять лет замужества. Условно / А. В. Богданова — «Эксмо»,
2008

Вот это завешание оставила Анфисе тётка! Огромная столичная квартира, особняк в Подмоскowie, тридцать килограммов золота и бриллиантов, нехилый счёт в швейцарском банке могут достаться ей – но при условии, что девушка в течение трёх месяцев выйдет замуж за жителя города N, откуда покойная тётушка была родом. И не просто выйдет – а проживёт с ним в законном браке пять лет. От такого богатства ещё никто не отказывался – и Анфиса рванула на поиски жениха. Но в захолустном городишке не оказалось свободных мужчин употребимого возраста. Что делать: упустить несметные сокровища – или хватать и тащить в загс первого встречного, будь он юноша, старикашка или последний алкаш?..

© Богданова А. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Богданова

Пять лет замужества. Условно

Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ.

Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»

Часть первая

Анфиса сказала, что соберёт свои вещи сама. Её компаньонке Люсе и так предстояло сделать слишком много. Проверить машину – всё ли с ней в порядке, с этой второпях купленной «Нексией» серебристого цвета. Совершенно неожиданная покупка! – но нельзя ведь ехать за четыреста километров от Москвы на старом, раздолбанном «жигуленке». Потом собраться самой – сейчас февраль и неизвестно, сколько им придётся проторчать в этом захолустном городе N, будь он неладен. Нет, понятно, конечно, что не больше трёх месяцев, но это тоже срок немалый – совсем скоро весна – вдруг резко потеплеет, и тогда уж точно не обойтись без демисезонных вещей. Всё так глупо, так глупо. Даже во сне не приснится этакая глупость, какую сумела учинить тётка после смерти.

По крайней мере, я сделала для неё всё, что могла. Всё что от меня требовалось, так думала Анфиса, со злостью заталкивая в изрыгающий тряпки чемодан кожаные светло-коричневые перчатки.

Она действительно выполнила все предписания своей тётки. Во-первых, как та и просила, ни одной слезинки не проронила, а всё больше смеялась. Варвара Михайловна всегда говорила племяннице:

– Я помру – не вздумай плакать. Смейся! И смейся как можно громче. Радоваться надо, что я наконец-то из этого земного ада в рай возношусь! – тётка отчего-то не сомневалась, что стоит ей только испустить последний дух, как она немедленно вознесётся к небесам, пролетит сквозь облака, уворачиваясь от самолётов, а потом космических кораблей и спутников, минует всё это и окажется прямо перед воротами рая. Откуда в ней такая уверенность взялась, неизвестно, но Анфиса на похоронах смеялась от души, искренне, откровенно, как не смеялась, пожалуй, никогда в жизни.

Три дня, словно муха навозная, вокруг новопреставленной кружилась её сиделка – Наталья Егоровна Уткина, которая истово верила в Бога и регулярно ходила в церковь «Благодатного милосердия и щемящей сострадательности», вечно бубнила себе что-то под нос и поминутно возводила глаза к небу – то ли спрашивая о правильности своих действий, то ли требуя помощи от небес, то ли надеясь знак какой увидеть свыше.

Ну, насчёт веры тут можно сделать поправку или предположение – это как читателю будет угодно. Может, больше всего верила Уткина в пастора церкви «Милосердия и сострадательности», которая непонятно к какой христианской конфессии принадлежит и неизвестно доподлинно, что исповедует (одно лишь ясно, что есть у них такие понятия, как рай и ад, и что адепты вышеуказанной церкви придерживаются Библии, только вот толкуют они сию священную книгу по-своему, как, впрочем, и все сомнительные религиозные объединения, отделившиеся от какого-либо вероучения, иначе именуемые сектами) – в Филиппа Ивкина, которого она называла не иначе как «святой отец». Что касается пастора Филиппа, то тут сразу надо сказать, что имелось у него одно пристрастие – уж больно любил он строить. Дело, конечно,

благородное, нечего спорить, но у него оно достигло такого размаха, что уже территории, принадлежавшей церкви, стало не хватать. Святой отец первым делом построил общественный туалет для прихожан.

– Собрания долгие, а человек слаб, – так аргументировал он свою первую постройку, вслед за которой воздвиг библиотеку духовных (хоть и довольно сомнительного содержания) книг, сказав, что любому человеку надобно развиваться, а верующему и подавно.

За библиотекой как грибы вырастали всё новые и новые сооружения – трапезная, лавка сопутствующих товаров № 1, лавка сопутствующих товаров № 2, где продавались разнообразные брошюры о создании церкви «Благостного милосердия и щемящей сострадательности» в России, о её самых лучших представителях и т.д. и т.п., разноцветные шнурки, стеклянные шарики и много чего ещё малопонятного и необъяснимого. К библиотеке был кишкою пристроен читальный зал, дабы благочестивые прихожане церкви могли просветиться после собрания, так называемый административный блок прирос к трапезной, оттяпав по длине два метра чужой земли. Засим был построен детский блок: «Что это за безобразие, если рядом с церковью нет помещения для малолетних деток наших прихожан, которым на собрании высидеть трудно по причине незрелого ума и беспокойного поведения?!» – взывал на проповедях пастор Филипп к своим ведомым беспрепятственно прямо в рай «овцам». Вообще, надо признать, святой отец был слишком речист, талант имел особый не только ораторствовать, но и проникать голосом в сердца «овец» – так что на вопрос, который он неизменно задавал в конце каждого своего наставления:

– Ну что, поможем церкви «Милосердия» и себе? Построим детский блок? – паства возбуждённо кивала головами, крича на все лады:

– Построим! Поможем! А как же!

– И зачтётся вам это на том Свете! – говаривал пастор и, тяжело сходя с трёх крохотных ступенек, немедленно пускался в ежедневный марафон по присутственным местам, отвоёвывать соседний клочок земли, на котором городские власти решили было построить многоэтажный дом. А прихожане, находясь в эйфории от пламенной и многообещающей его речи, чуть ли не в очередь становились, дабы внести свою лепту в общее богоугодное дело – опустить с любовью свёрнутый в четвертушку денежный знак на очередную постройку в огромный ящик из оргстекла.

Вскоре святой отец так плотно усадил лоскуток земли, отведённый храму самыми разнообразными постройками, что пришлось перенести общественный туалет за его пределы, подальше от святого места, за автотрассу, на другую сторону. Однако и это не помогло – после сооружения небольшого домика для обращения неопитов в молодую и ещё не до конца сформировавшуюся у нас, в России, религию «милосердия», свободной земли не осталось вовсе – и «овцам», чтобы попасть на собрание, приходилось передвигаться к церкви то на цыпочках, то на пятках, то выпячивая грудь колесом, то поджимая заднюю свою часть. Именно тогда на отца Филиппа снизошло озарение свыше – отвоёвывать соседнюю землю, которую власти почти уже заняли под высотку (даже забором огородили), и воздвигнуть на ней какое-нибудь богоугодное заведение. Какое именно? Над этим пастор ломал голову целый месяц. В начале второго опять произошло у него внезапное прояснение сознания, и он понял, что на территории, отведённой властями под высотное здание для толстосумов (так он неизменно определял в своих проповедях тот слой людей, которые должны были поселиться в ещё не воздвигнутой многоэтажке), подобает красоваться благотворительной больницей для нищих, одиноких, покинутых и забытых всеми стариков с витражами и колоннами при входе. Святой отец предполагал выстроить ещё молельное помещение для болящих:

– А как же без молельни! – горячо выкрикивал он на проповедях.

Он решил уже, что весь обслуживающий персонал больницы будет состоять из тех его прихожан, что стремятся попасть в рай и имеют диплом врача. А их, надо заметить, было не

так-то мало. Имелся свой стоматолог, три терапевта, окулист, отоларинголог, пять медсестёр, один медбрат, который давно протаранил дорожку к церкви «Благодостного милосердия и щемящей сострадательности» и одной ногой уж твёрдо стоял в раю – ему оставалось лишь перекинуть вторую, поработав в благотворительной больничке, и со спокойной совестью можно менять так называемое место жительства, вельми улучшив его условия: с бренной Земли в обитель вечного блаженства. Одним словом, среди паствы сам собою набрался весь медперсонал будущей больницы (пастору исповедовались врачи с такими специфическими профессиями, как два проктолога, уролог и гинеколог, что Ивкин сомневался, понадобятся ли они в богоугодном заведении). Все они рвались в бой, жаждали работать бесплатно, во имя человеколюбия, милосердия и той самой обители, о которой автор упомянул выше. Но сначала как-то не ладилось с участком земли – власти ни в какую не желали отказывать его в пользу больницы для страждущих. Когда же красноречие святого отца достигло апогея и он умудрился своими ораторскими способностями склонить чиновников отдать в пользу церкви землю, отведенную под строительство высотки, произошёл совершеннейший затор со средствами. В огромном ящике из оргстекла вот уж больше недели небрежно валялись, подобно первым листьям, сорванным робким ещё осенним ветром, пять червонцев и никакого прибавления к этим одиноким бумажкам ничто не предвещало. Видимо, паства те деньги, которые могла дать церкви, давно отдала, и сколько бы ни взывал к ним отец Филипп, ничего не помогало – лишь в одну из суббот, ближе к вечеру, пастор рассмотрел приземлившуюся на дно ящика буроватую бумажку достоинством в сто рублей.

Но оставим святого отца с его проблемами. Бог даст, и он их решит как-нибудь: может, снова на него озарение снизойдёт, а может, и чудо какое случится, как знать...

И носильщиков Анфиса не мучила, не напрягала, как тётка велела.

– Когда душа моя от тела отлетит, мне всё равно будет, как меня из квартиры вынесут! Запихните гроб в лифт стоймя – ничего страшного, если я там побултыхаюсь.

Так и везли тётку с двенадцатого этажа стоймя – Анфиса же, притиснувшись к дверцам, хохотала что есть сил, и наплевать ей было, что носильщики, которые многое повидали на своём веку, вытаращились на неё удивлённо.

Короче говоря, похороны Варвары Михайловны Яблочкиной прошли превосходно – весело, без сучка и задоринки. Даже набожная, вечно всех осуждающая, томимая постами, которые заключались среди «милосердивинян» в отказе от сладкого каждую последнюю неделю квартала, Наталья Егоровна была весела как никогда и всё хихикала в ладошку, будто стремилась все смешинки в кулак собрать, не потерять ни одной, для подходящего какого-нибудь случая сберечь.

Ну от Люси ждать было нечего – она, как обычно, тенью шла за Анфисой чуть приоткрыв рот и уставившись в одну точку. О чём Людмила Подлипкина думала в тот момент, сказать сложно. Пожалуй, даже она сама не ответила бы вот так с ходу, в какое русло направлены её мысли. Да и вообще были ли они у неё – мысли, русло?..

Анфиса, бросив в могилу последнюю горсть ледяного песка, крикнула на всё кладбище:

– Пока, тётя Варя! Мягкой тебе посадки! – этот, кстати, возглас тоже был последней волей покойной. Так что Анфисе не в чем было себя упрекнуть.

– Я перед ней ни в чём не виновата! – со злостью воскликнула она, когда чемодан повёл себя в высшей степени скверно – он выплюнул кожаные светло-коричневые перчатки с мохеровым ярко-красным джемпером и щёлкнул, закрыв пасть, чем напомнил Анфисе того самого семиметрового крокодила, который тридцать лет назад так же щёлкнул зубами, лишив пятилетнюю Фису матери (родной сестры Варвары Михайловны, ныне почившей).

Анфиса осталась без мамы в пять лет, именно в тот момент, когда аллигатор, живший неизвестно сколько на острове Мадагаскаре, точнее, на территории Малагасийской республики, куда Елена Михайловна Распекаева отправилась в качестве герпетолога, оставив мало-

летнюю дочь на руках у сестры, зевнул, широко раскрыв пасть свою с постоянно обновляемыми зубами и, вероятнее всего, случайно, находясь в полусне, проглотил маленькую хрупкую женщину, сделав таким образом пятилетнюю девочку глубоко несчастной. Как там было всё на самом деле – точно никому неизвестно, налицо лишь факт – Елена Михайловна Распекаева не вернулась из экспедиции на остров Мадагаскар, а коллеги объяснили её отсутствие именно таким образом.

Если свою бедную мать Анфиса помнила достаточно туманно, но всё же то какие части тела в отдельности всплывут перед глазами, то запах польских духов, которыми родительница любила пользоваться – кажется, назывались они «Быть может», то вспыхнет перед ней пламенем тициановая копна волос безвозвратно исчезнувшей мамы, то отца она не помнила вовсе. Ни его образа, ни запаха, ни тёмно-каштановой шевелюры, которую героиня, несомненно, унаследовала от него, ни силуэта, склонённого над детской кроваткой, ни голоса – ничего.

Это может показаться удивительным, неправдоподобным даже, но он тоже исчез при самых что ни на есть загадочных обстоятельствах. И так же, как в случае с матерью, к Варваре Михайловне явились коллеги отца – лётчики сельскохозяйственной авиации – и поведали ей совершенно невероятную историю о том, как Григорий Распекаев три дня без передышки трудился на ниве авиационного способа обработки полей, раскинувшихся между деревнями Горшково, Клячкино и Срыкино. Четвёртый его рабочий день был уж на исходе, когда откуда ни возьмись засвистел ветер, поднял песок с карьеров, небо потемнело почти как ночью... И в этой кромешной тьме, в пелене песка Як-12, на котором Анфисин отец проработал четыре года – он, можно сказать, прирос к стальной, ставшей ему родной машине (здесь уместно будет сравнить Григория Распекаева с всадником на любимом коне или ещё лучше кентавром каким-нибудь), борясь с вредителями, разбрызгивая и распыляя пестициды над необъятными русскими просторами, взмыл ввысь, затарактел в последний раз, взревел и... пропал во мраке разбушевавшихся небес.

Григория с его верным ЯКом-12 искали три дня и три ночи, но так ничего и не найдя, коллеги отчаялись и отправились к сестре съеденной уже к тому времени аллигатором на острове Мадагаскар супруги героя полей Варваре Михайловне. Они сказали, что между деревнями Горшково и Срыкино произошло странное природное явление – не то ураган, не то тайфун, не то буря, что впрочем, одно и то же.

– Самое важное во всём произошедшем то, что Григорий Распекаев исчез вместе с самолётом самым что ни на есть таинственным образом, – чеканя слова, проговорил друг Григория, тоже лётчик сельскохозяйственной авиации – статный, чернобровый, очень интересный мужчина, после чего выдвинул несколько туманных, таких же, как и само исчезновение Анфисино отца, версий, одна из которых заинтересовала тогда Варвару Михайловну, ее она и поведала племяннице пять лет спустя.

Как оказалось, месяцем раньше, в начале лета, работая над полями трёх вышеуказанных деревень, Григорий Распекаев ничего не опрыскивал и не орошал. Дело в том, что от местных жителей поступила жалоба – мол, все наши огороды перебуравлены и обезображены из-за натурального вторжения землероек и полевых мышей. Они просили, требовали, настаивали немедленно принять меры. И меры были приняты, только о том, какие именно, обитателям перерытых огородов сказать то ли забыли, то ли не сочли нужным – история об этом умалчивает.

Анфисиному отцу поручили сбросить с самолёта клубки безвредных змей для истребления вредителей огородов трёх деревень кряду. Спустя месяц над тремя деревнями стоял визг, вопли, верещание и самый что ни на есть изощрённейший русский мат. Люди все как один ходили знойным летом в длинных резиновых сапогах – кто с лопатой, а кто и с топором. Землеройки с полевыми мышами перевелись, зато три несчастные деревеньки постигла новая трагедия, страшнее перерытых огородов – настоящее нашествие змей. Две недели они только и

делали, что сражались с пресмыкающимися, а в тот роковой день исчезновения Григория Распекаева обитатели деревень Горшково, Клячкино и Срыкино узнали, кто явился виновником появления в их регионе мерзопакостных аспидов (в скобках надо заметить, что факт безвредности выброшенных чуть больше месяца назад змей никого не волновал).

Варвара Михайловна связывала эти события воедино и предполагала, что местные жители наказали её зятя за распространение змей, а самолёт разобрали и растащили по домам:

– Теперь они пользуются в быту мотором, крыльями и хвостом от самолёта. Что там ещё есть у этого ЯКа! Ужас! Ужас! Одну якобы съел крокодил, другого унесло в небо, а мне приходится тратить свою молодость, красоту и лучшие годы на воспитание их дочери! Ужас! Ужас! – кричала Варвара Михайловна, когда изредка брала племянницу из интерната на выходные. Она ломала руки, задыхаясь от негодования и, в конце концов, падала на мягкую постель с батистовым бельём, утопая в нем и неестественно сотрясаясь от рыданий.

С самого детства Анфиса возненавидела всех подряд пресмыкающихся – будь это безвредный уж, черепаха или ящерица.

– Она никогда меня особо не любила! – расходилась Анфиса, набивая цветастыми тряпками огромную спортивную сумку. – С шести лет отдала в интернат! И это называется, потратить на меня лучшие годы? А? Люська?! – неожиданно спросила она свою компаньонку, чего раньше никогда не делала – Людмила Подлипкина для нашей героини значила не больше, чем холодильник, дверцу которого она открывала лишь по надобности, или шкаф, в котором ковырялась, ища, что бы ей эдакое надеть, дабы выглядеть выигрышно в том или ином месте, в зависимости от того, куда собиралась. Девушка тупо посмотрела на неё и, поправив белёсую непослушную прядку, что приклеилась к пухлым, влажным полуоткрытым губам, торопливо закивала головой; правая щека её вдруг задёргалась в нервном тике, глаз непроизвольно и слишком часто замигал, словно неисправная фара грузовика:

– Ага, ага, ага, Анфис Григорьевна! Ага, ага! – торопливо, с азартом даже поспешила заверить её Людмила.

– А после интерната?! – и Анфиса, уперев руки в довольно плотные круглые бёдра, продолжила, растолковывая скорее для себя, нежели для Люси причины и следствия сложившейся ситуации. – Я сразу переехала сюда, в мамочкину квартиру, и сразу стала зарабатывать деньги! Копейки у неё никогда не попросила! А она?! Как она могла со мной так поступить! Старая кошёлка! Это ведь кому сказать, не поверят! Умудрилась мне и после смерти нагадить!

– Ага, ага, Анфис Григорьевна! Ага! – Люся вошла в раж, поддерживая всем сердцем и душой свою «Анфис Григорьевну»: щека её дергалась с большей силой, глаз судорожно моргал, жмурился даже. Одним словом, лицо Людмилы Подлипкиной не выдержало несправедливого отношения усопшей тётки к своей племяннице.

– Нет! Ну надо же оставить после себя такое завещание! Это ж надо было додуматься до такого! Это ж кому рассказать!.. – Анфиса буквально захлёбывалась от злости на почившую тётку. – А Егоровна?! – спросила она скорее у стен, чем у Люси, стоящей перед ней в полной готовности поддержать. – Бегаёт по квартире, как бешеный таракан, и смеётся! Вот чему тут смеяться?! Она что, думает, я этого не сделаю? Она сомневается в моих способностях?! Ключка престарелая!

– Ага, Анфис, ага! И то правда!

– Всё хихикает ходит! Думает, им всё перепадёт! Не тут-то было! Не на ту напали!

– Вот именно! – горячо воскликнула Люся и попыталась по-товарищески пожать Анфисе руку, но та схватила сумку, встряхнула её как следует, чтобы утрамбовать вещи, и сказала так, будто пожалела о минутной слабости, будто подумала, что не стоило вываливать свои мысли на глупую Люсину голову.

– Иди-ка машиной займись, а то темнеет уже, – и Люся, накинув на плечи искусственную шубу приглушённо-лимонного цвета, имитирующую цигейку, но так долго ею носимую, что

теперь она могла сойти только за грязного игольчатого дикобраза, нахлобучив ядовито-розовую шапку, купленную прошлой зимой на рынке, всю уже в катышках и свалянную до такой степени, что носить подобный головной убор не только было неприлично, но просто непозволительно, ринулась с невероятной готовностью на улицу проверить новую серебристую «Нексию» перед дальней дорогой. Анфиса со своей злостью, негодованием и раздражением в душе осталась одна.

Действительно, Варвара Михайловна Яблочкина, перед тем как покинуть наш бранный мир, оставила завещание, где всё имущество (как движимое, так и недвижимое) отписала своей племяннице, единственной родственной душе на этой ненормальной, доведённой до агонии достижениями прогресса планете – Анфисе Григорьевне Распекаевой. Казалось бы, чем тут можно быть недовольной на месте нашей героини? К тому же и наследство-то было не какое-нибудь там плёвое, как бывает нередко – проеденные молью пальто, например, или трикотажные костюмы нереальных расцветок середины прошлого века, напольные часы, которые невозможно починить – стрелки их застыли пятьдесят лет назад, либо подведя некую черту в жизни владельца, либо ставя значимую, невидимую никем точку.

Ах! Чего только не оставляют некоторые люди после себя в качестве наследства, всерьёз думая, что хлам, скапливаемый порой в течение всей жизни, представляет немалую ценность. И швейные машинки, настолько допотопные, что к ним в наше время – время стремительного научно-технического прогресса, не подобрать ни одной детали, чтобы привести их в движение. И разобранные автомобили, лет пять стоявшие под окнами, от коих остался лишь каркас, глядя на который, с трудом определишь, какой марки перед тобой машина. Что уж говорить про различные коллекции, над которыми трясутся всю жизнь их владельцы! Вам повезло, если ваши родственники собирали что-нибудь весомое – картины, предположим, ну на худой конец, кузнецовский фарфор, палехские брошки или жостовские подносы. А ведь все люди разные и собирают бог весть что! Я знаю одну женщину, которая получила в наследство от родной сестры десять мешков дырявых колгот и чулок, причём мешки были огромными, в какие обычно просушенную картошку по осени складывают. Наследница и подумала поначалу, что в мешках картошка или что-то в этом роде, потому что покойная сестра, подбирая повсюду предметы для своей необычной коллекции (Интересно, где она их подбирала? А ещё интереснее было бы понаблюдать, каким образом она умудрялась их прикарманивать), затем сматывала их в клубок, лихо делала узел и бросала в мешок – потому-то на ощупь они действительно напоминали овощи вроде свёклы, редьки или картофеля. К слову сказать, квартира ее отошла лечащему врачу – милому мальчику, который был очень добр к коллекционерке колгот – всегда посочувствует, никогда от чашки чаю не откажется. Да и что такое квартира? Клетка о четырёх стенах! Куда важнее и ценнее десять мешков колгот с гигиеничной ластовицей или уплотнённой верхней частью в виде штанишек или чулок с выделенным мыском, рисунком и т.д. и т.п.

Другие собирают стеклянные пузырьки от духов, и им всё равно, что у некоторых отколоты горлышки, третьи – старые пожелтевшие тухлявые по углам газеты с определёнными статьями – о покорении человеком космоса или с некрологами достойным лицам страны. Однако куда нас занесло! Мало ли что оставляют после себя люди! Это их дело – нам же интересно, что оставила Варвара Михайловна своей единственной племяннице и что именно вызвало в душе Анфисы Григорьевны столь враждебное чувство по отношению к своей почившей неделю назад тётке.

Итак. Под движимым и недвижимым имуществом, которое было упомянуто в завещании, подразумевались отнюдь не проеденное молью тряпье, модное полвека тому назад, не сломанная швейная машинка, не остановившиеся на роковой отметке напольные часы и тем более не коллекция драных, подобранных неизвестно где чулок.

После тёткиной кончины Анфисе причиталось:

1. Шикарная трёхкомнатная квартира с двумя туалетами в высотном сталинском доме на набережной.

2. Двухэтажный коттедж под Москвой с центральным отоплением и всеми удобствами, с садом, в котором, гуляя, можно заблудиться меж тополей, елей, яблонь и вишен.

3. Три килограмма золотых украшений, включая вес бриллиантов, которые хранятся от греха подальше – в ячейке банка, где тётка была постоянной клиенткой и аккуратно выплачивала определённую сумму за сбережение ценностей.

4. И самое, пожалуй, главное – это счёт, но уже в швейцарском банке с невероятным количеством нулей – стоило Анфисе только взглянуть на многозначное число, как у неё круги пошли перед глазами, завертелись в виде голубоватых колечек дыма, закружились, и она чуть было в обморок не упала от неожиданности и счастья.

Казалось бы, с чего нашей героине выражать своё недовольство? Мало кому жизнь бросает подобную, обросшую мясом, никем не тронутую, кость, которую можно всю жизнь глотать, ещё останется. Ан нет! Всё оказалось не так-то просто. Была в этом завещании одна загвоздочка. Хотя... Загвоздочка – это слишком слабо сказано, по крайней мере неточно. Настоящий камень преткновения таило в себе тёткино завещание, можно сказать, преграду, барьер, просто-напросто дамбу какую-то, сдерживающую плавно текущую реку Анфисиной жизни, которая двигалась куда надо вместе с её глуповатой компаньонкой Люсей, с налаженным бизнесом и хоть и взбалмошным, горячим, страстным и азартным до болезненности Юрием Эразмовым – любовником героини. Серьёзным препятствием явилось условие, что было начертано на оборотной стороне завещания. Иными словами, условие Варвары Михайловны Яблочкиной гласило:

«Всё вышеупомянутое имущество может перейти моей племяннице Анфисе Григорьевне Распекаевой лишь в том случае, если она выполнит следующие пункты:

1. В течение трёх месяцев после моей кончины выйдет замуж за жителя города N или его окрестностей, откуда родом я и её мать Елена Михайловна Распекаева (в девичестве Яблочкина).

2. Проживёт с ним в законном браке не менее пяти лет, для чего молодожёны могут воспользоваться моей квартирой.

3. Приживет от мужа ребёнка, пол которого не имеет значения. В случае медицинского подтверждения того, что одна из сторон не может иметь детей по состоянию здоровья, супруги обязаны усыновить младенца из детского дома.

Только при выполнении вышеприведённых условий моя племянница Анфиса Григорьевна Распекаева может со спокойной совестью вступить в право наследования по истечении пяти лет со дня моей смерти.

В случае невыполнения хотя бы одного пункта из вышеперечисленных всё движимое и недвижимое имущество автоматически переходит в распоряжение церкви «Благодного милосердия и щемящей сострадательности» для построения богоугодных заведений, по усмотрению пастора сей церкви для спасения моей грешной души».

Вот такую свинью подложила Анфисе её единственная родственница! Конечно, наша героиня могла бы выйти замуж за первого встречного, но в завещании чётко сказано, что избранником её должен стать не кто иной, как житель забытого Богом городишки N, откуда семья Яблочкиных переехала полвека тому назад. Стало быть, нужно ехать в N и искать мужа там. Именно искать, а не бросаться на шею первому попавшемуся энцу, потому что этот первый попавшийся может оказаться кем угодно: маньяком, хроническим алкоголиком или находиться в плену ужасающих, а может, нелепых каких-нибудь страстей. Автор знает много примеров того, как самые невинные привычки человека, которые, на первый взгляд, вроде бы не могли причинить никаких неудобств его близким, на самом деле оказывались губительными для семьи – ячейки общества и не приводили ни к чему, кроме разводов и раздела имущества.

Так, одна моя знакомая – Андромеда Завжикина, безумно влюблённая в своего мужа, развелась с ним, несмотря на ещё пылающую в её сердце страсть к благоверному, на седьмом году их совместной жизни из-за одной лишь его дурацкой привычки класть дырявый блин прямо на клеёнку (не на тарелку, заметьте, а на стол), мазать его смородиновым вареньем, затем, свернув в трубочку, отправлять, пофыркивая от удовольствия, в рот. В первый год знакомая моя была настолько ослеплена любовью к супругу, что вообще вокруг себя ничего не слышала, никого не видела, кроме туманного силуэта своего неистового влечения. Про блины, едомые на клеёнке, и говорить нечего! На второй год туман спал, развеялся, и Андромеда узрела непосредственно образ ненаглядного супруга. Весь третий год она только и делала, что умилялась ему, этому милому сердцу образу, и радовалась, что выбор её остановился именно на нём. Четвёртый и пятый год Завжикина поставила себе целью при помощи мужа сделаться опытной женщиной, что касается любовных утех, которые, надо сказать, между ними происходили настолько редко, что при всём желании моя знакомая не смогла бы стать особой, искушённой в сексе. Шестой год – весь напролёт – она пыталась забеременеть, но из этого тоже ничего не получилось по причине крайне редких связей с собственным мужем. Седьмой год в их совместной жизни выдался поистине роковым – у неё, словно у лошади, шоры с глаз спали, и она увидела себя вздыбленной над пропастью: одно неверное движение – и падение в бездну ей обеспечено. В качестве провокатора падения в бездну Андромеда Завжикина признала своего благоверного, который, облизываясь, стаскивал очередной дырявый блин с тарелки, с наслаждением потягивая его за края, укладывал прямо на новую, неземной красоты, привезённую из Германии клеёнку и принимался покрывать его смородиновым варением. Супруга, потеряв дар речи, с ужасом смотрела, как через дырки блина просачивается жидкое, чернильного цвета варенье прямо на заморскую, головокружительной красоты клеёнку. Она вдруг почувствовала, что если не скажет сию секунду острое, как лезвие скальпеля слово, то непременно полетит вниз, в бездну. И она его сказала, неожиданно обретя дар речи:

– Развод! – и через месяц знакомая моя была свободна, как птица в небе.

Однако куда нас снова занесло!..

Вернёмся к нашей героине. Итак, ей за три месяца предстояло найти такого мужа, с которым можно было бы не только прожить пять долгих лет (а это не шутка!), но ещё и родить ребёнка. Но самым главным для Анфисы Распекаевой являлось то, чтобы её избранник был человеком до такой степени богатым, что её наследство показалось бы ему настолько ничтожным по сравнению с собственным капиталом – каплей в море просто-напросто, что и делить-то его после развода для него было бы смехотворным и бессмысленным занятием. Вторым требованием к энцу со стороны Анфисы была непременно щедрость и доброта. А то ведь встречаются и такие представители противоположного пола, которые и заводы, и фабрики, и огромные счета во всех мыслимых и даже немыслимых банках имеют. Да что там говорить! Чего они только не имеют, а всё равно стремятся жену как липку ободрать и оставить её голюю перекаточной. Иногда мужья делят имущество не по жадности, а, скажем, из злости и вредности. Исходя из этого, Анфиса определила третье условие или лучше сказать черту характера суженого – простодушие и бескорыстие.

Ребёнка она рожать не собиралась, а решила на время удочерить или усыновить чужого, пока пять лет не пройдёт. Она понимала, конечно, что это не так-то просто, но давно привыкла к тому, что «не подмажешь – не поедешь». Уговорить, перетянуть человека на свою сторону она давно научилась – кого нужно попросит, перед кем-то слезу пустит, кому «на лапу» даст, а перед некоторыми и на колени упасть ей не затруднительно. Главное, знать, на кого что действует безотказно.

Да и как за три месяца найти наидостойнейшего человека в городе N, очаровать его настолько, чтоб он рассудок от любви и страсти потерял, да ещё успеть за столь короткое время

выйти за него замуж? В загсе уж точно придётся подмаслить, чтобы месяц не ждать, думала Анфиса, решительно закрывая очередную спортивную сумку с нарядами.

– Всё продумала. Нигде, кажется, не просчиталась. Еду за женихом! А Егоровне фиг на постном масле по всей её кислой физиономии с поджатыми губами! – прокричала она на всю квартиру и, подскочив к зеркалу, так сладко улыбнулась, будто только что халву в шоколаде проглотила. – Вот, наилюбезнейшая Наталья Егоровна, мой супруг. Знакомьтесь, Наталья Егоровна. Наконец-то я нашла свою вторую половинку! Если бы вы знали, госпожа Уткина, как я счастлива! Если бы вы только представить могли! Но где вам, убогой женщине, такое счастье представить! Я слышала, вы до шестидесяти трёх лет прожили на этом свете, да любви-то так и не poznали, – в её голосе прозвучало сочувствие, сожаление, боль даже к бывшей тёткиной сиделке, а на глаза слёзы навернулись. Анфиса хрюкнула от души и продолжала: – Надеюсь, что вы ещё будете счастливы, найдёте себе мужичка какого-нибудь, ничего что лысенького, хроменького, слепенького – в этом деле сие не так-то и важно. Уж поверьте мне, Наталья Егоровна, бедняжка вы моя! Будет и на вашей улице праздник! – Анфиса сотрясалась от слёз умиления, – А тётушкиного наследства ни вам, крыса сектантская, ни вашему святому отцу не видать как собственных ушей! – вдруг без всякого уже сострадания и умиления воскликнула она и засмеялась во всю глотку сардоническим смехом. Несколько успокоившись, Анфиса хотела было продолжить разговор с представляемой Натальей Егоровной, как в комнату влетела Люся. Одна половина её лица дёргалась, можно сказать, ходуном ходила, она была до смерти напугана, но толком ничего не могла объяснить:

– И-а, и-а, т-т-а, т-т-а, – стоило только Подлипкиной произнести одну из этих недоразвитых словоформ, как она подпрыгивала – так, что непонятно было: ей *требовалось* подпрыгнуть, чтобы из её уст раздалось что-то более членораздельное, или это издаваемые звуки *заставля-ли*е подскакивать чуть не до потолка.

– Что? Что? Что! – разозлилась Анфиса и затрясла её за плечи.

– Он! Он – там! И-а, и-а! Увидел! Я домой!

– И что ты никогда ничего толком сказать не можешь! Вечно идиотничаешь! – рассердилась «Анфис Григорьяна».

– С машиной всё в порядке. Ваш Маразмов у подъезда ошивается. Кажется, меня заметил, – отрапортовала компаньонка как ни в чем не бывало.

– Туши везде свет, дверь входную закрой и сиди тише воды ниже травы! И не Маразмов он, а Эразмов, сколько раз тебе говорить, бестолочь!

– А мой сериал? – растопырив руки, спросила Люся; нижняя губа её отвисла от обиды, будто кто-то к ней гирьку привязал. – Сегодня 256-я серия, – она чуть не плакала.

– Цыц! Делай, что я сказала!

Свет в квартире мгновенно погас, в темноте щёлкнул замок, звякнула цепочка, и воцарилась тишина, слышно лишь было, как чей-то ребёнок канючит:

– Не качу домой! Качу на качели!

– Задница примёрзнет! На качели он хочет! – возмутился басистый женский голос.

Этажом ниже кто-то ломился в закрытую дверь паспортного стола:

– Работники! Ё-к-л-м-н! Восемь вечера – а они уже закрыты! – дальше последовал поток нецензурной лексики, которая сиюминутно была подхвачена ребёнком, отчего требования покачаться прозвучали намного серьёзнее и весомее.

– Анфис Григорьяна, можно я тихо-онечко телевизор включу? Ну, пожалуйста! Сегодня самая интересная серия! Сегодня Кончита должна сбежать с Хуаном! – взмолилась Люся.

– Только попробуй! – прошипела «Анфис Григорьяна». – Ты что, совсем дура? Это ведь не дом, а картонная коробка. Слышно всё, что на улице говорят! Не хватало, чтобы Юрка узнал, что мы затеяли! Нас нет и точка. Не дай Бог, он разнюхает, что мы уезжаем! – пробубнила она и в напряжении устала на компаньонку, хлюпающую от досады, что ей сегодня ну никак не

удастся стать свидетельницей побега Кончиты с Хуаном и посопереживать любимым героям в 256-й раз.

Предосторожности были приняты не напрасно – буквально через минуту Анфиса непроизвольно вздрогнула от пронзительного, наглого, непрерывного звонка в дверь; глаз компаньонки замигал в темноте, щека запрыгала:

– О, висельник! – пискнула она. – Всё же заметил меня! – добавила Люся чуть слышно, широко раскрывая рот, чтоб «Анфис Григорьяна» могла прочесть по губам.

– Молчи! – шикнула та.

Звонок внезапно оборвался, будто последний лепесток ромашки под порывистым ветром или гнилая нитка, которой пытались залатать дыру на пройме ветхого пальто, или... Опять нас несёт куда-то не в ту сторону! Да что ж это такое!

Итак, звонок оборвался, затем последовала мёртвая тишина. Анфиса взглянула на компаньонку – у той глаз всё продолжал мерцать, словно неоновая реклама на щите.

– Ушёл, – не то вопрошающе, не то утверждающе сказала Анфиса, но... Не тут-то было! В дверь самым что ни на есть бесстыжим образом забарабанили, вернее, залупцевали по ней ладонями.

– Фиска! Открой, каналья! Я знаю, что ты дома! Открывай! Я видел твою малахольную во дворе! – За дверью возбуждённо орал наглый мужской голос. Люся сделала неопределённое движение – некий порыв в сторону входной двери.

– Сиди! Нас нет дома! – прошептала Анфиса.

– Ща дверь выломаю! Фиска, ты меня знаешь! Ща всю твою квартиру к чёртовой бабушке разнесу! Спорим?

– Этот ваш Маразмов совсем с ума сошёл! Прямо ничего не соображает! – пролепетала Люся таким тоном, будто изрекла что-то чрезвычайно умное и в высшей степени мудрое.

– Давай спорнём! Вот на что угодно! Давай? – всё больше входил в раж Юрий Эразмов, крича что было сил в замочную скважину. – На сто баксов! А? Согласна? Или хочешь, Фиска, хочешь, я на крышу залезу и с девятого этажа прыгну? А? Ну чо ты молчишь-то, как неживая?! Отвечай! – и он снова забарабанил в дверь. Однако через минуту-другую, видимо, напрочь отбив руки, довольно миролюбивым тоном проговорил, – Фиска, дай сто долларов, и я уйду!

– Опять проигрался! Вот подлец! – буркнула Фиска.

– Ну будь человеком! Небось уже наследство получила! Хоть раз в жизни помоги материально! Ну хочешь, хочешь... – застопорился Юрик – он не знал, что предложить любимой, чтобы выпыганить у неё необходимую для короткой радости, надежды и счастья сумму. – Хочешь, ща кому-нибудь по морде дам?! Давай ща вместе выйдем на улицу, и я при тебе кому скажешь, та-ак двину, что у него прям искры из глаз посыплются! А хочешь, королева моя, Люське твоей ряшку намылю? – с жаром осведомился он. – Спорим на столтник, что намылю? А? Любовь моя, красавица, единственная, ненаглядная, ты только слово молви! – Эразмов умолк – соображал, видать, что ещё может предложить ненаглядной красавице, но так ничего и не придумав, гаркнул: – Дай столтник! – и опять в неистовстве каком-то забарабанил в дверь. – Тьфу! – плюнул он и, в сердцах обозвав свою королеву гадюкой, галопом сбежал по лестнице.

– Во дурак! Опять все деньги просадил! – проговорила Анфиса, чувствуя, что опасность миновала и за дверью уж никто не стоит.

– Ушёл? Ушёл, кажется. Анфис Григорьяна, можно я телевизор включу? Ну, пожалуйста, – заканючила Люся. – Там сегодня самая важная серия... Там сегодня Кончита с Хуаном должны...

– Шла бы ты в задницу со своими Хуанитами! – вспылила Анфиса. – Сиди тихо! – не успела она это произнести, как с улицы донеслось:

– Распекаева! Открой дверь! Распекаева!

– Во дурак! Ну дур-рак! – прорычала Распекаева, будто для неё именно в этот момент открылась великая тайна о том, что её поклонник не большого ума человек.

– Распекаева, спорим на сто долларов, если ты сейчас не согласишься мне дверь открыть, я беру камень... Беру... Беру! И ща ка-ак в окно шваркну! – прокричал он, но вдруг решил ещё раз попытаться пойти на мировую: – Распекаева, открой дверь! Я всё прощу! Ра-спе-ка-е-ва! Вот стерва! Никогда денег не даст! Подлюка! – Юрий, доведённый до бешенства, сел в машину и с диким рёвом отчалил от подъезда ненаглядной, единственной королевы и стервы в одном лице.

– Включай свою Кончиту! – великодушно молвила Анфиса и удалилась в свою комнату, дабы отдаться Морфею нынче пораньше из-за грядущего длинного и утомительного путешествия.

Однако Морфей нашу героиню в объятия заключать не торопился. Поначалу ей всё мерещился разъярённый Юрий Эразмов за дверью, в ушах ещё эхом отзывались удары его ладоней о железную дверь, угрозы разбить окно, мольба о ста долларах. Потом на губах её появилась едва уловимая улыбка, освещающая лицо, словно солнечный утренний луч комнату. И какой он всё-таки идиот, подумала Анфиса, и мысль эта, а может, воспоминание непосредственно о самом идиоте, заставили биться её сердце чаще, а в душе внезапной и непонятно откуда взявшейся искрой вспыхнуло сожаление: «Жаль, я не могла пустить его сегодня! Попрошались бы! Шутка ли – ведь я бросаю его, выхожу замуж!». Хоть эта мысль навевала тоску и печаль на героиню нашу, но она уж всё для себя решила. Нет, не решила даже, а наперёд знала, что в самом скором времени (а именно не позднее чем через два месяца с небольшим) она станет замужней женщиной, несмотря на то что Анфиса понятия не имела, кто будет её законным супругом в течение ближайших пяти лет.

Тут надо заметить, что она не особо убивалась по поводу разрыва с любимым человеком, с которым регулярно (едва ли не каждый день) встречалась вот уж четыре года, испытывая при этом самые что ни на есть нежные к нему чувства, более того – временами она любила его настолько страстно, что однажды (может, о подобных вещах и неуместно писать в книге, но автор не в силах удержаться, потому как нижеизложенный факт упоминается не ради красного словца или шокирования уважаемого читателя, но рисует характер героини) в порыве, во время любовных утех, так сказать, в пылу, в бреду Анфиса взяла и укусила господина Эразмова за нос, да так сильно, что бедолага потом целую неделю проходил с распухшим органом обоняния, то краснеющим, то синеющим, то зеленеющим, то желтеющим, пока тот снова не вернулся в прежнее нормальное состояние.

Нельзя отрицать, что Анфиса Распекаева любила своего непутёвого, азартного до болезненности поклонника, но была в ней одна черта – не знаю, хорошая ли, плохая, но в собственных интересах, если нужно было выбирать между пускай даже ничтожной какой-нибудь выгодой и любимым человеком, она, не сомневаясь ни секунды, бросила бы любимого человека. И особо по этому поводу расстраиваться б не стала – был возлюбленный, да весь вышел.

Вот и теперь, лёжа на широкой постели своей в одиночестве, слыша отчаянный сочувствующий рёв Люси из соседней комнаты (вероятно, у Кончиты с Хуаном снова что-то не срослось, снова не удалось им совершить побег, и он был отложен – теперь на 257-ю серию), Анфиса, будто прощаясь со своей любовью, выудила из бочки памяти, кишмя кишевшей разными воспоминаниями, определённые, только теперь ей нужные, связанные с Юриком Эразмовым. Таким образом она прощалась с ним, чтобы более никогда не возвращаться к нему, потому что пламенный поклонник оставался за бортом её новой жизни – жизни обеспеченной дамы с богатым прошлым. Пускай он захлёбывается, барахтается, машет руками посреди огромного океана бытия, где повсюду подстерегает опасность, где только и шныряют акулы с поразительно равнодушными непроницаемо-холодными глазами, где огромными стадами шастают пирании в поисках добычи и, напав на нее, вырывают куски мяса из тела жертвы

– они за минуту способны очистить до скелета такого видного, крупного мужчину ростом под два метра. Да что там говорить! Мало ли чудовищ в огромном океане бытия! Самое важное в этой жизни (сие Анфиса уразумела ещё в шесть лет, оказавшись в интернате, на пятидневке) быть в лодке, а не за бортом, и чтобы лодка эта нигде не протекала, была прочной и надёжной – лучше даже, если б не какая-нибудь двухвесельная или парусная, а военная, канонерская с несколькими орудиями для боевых действий, которой, собственно, она и пыталась обзавестись, заполучив тётушкино наследство.

А сейчас пришло самое время проститься с сумасбродным, но безвредным Юрием Эразмовым, и Анфиса откопала наконец в голове первое воспоминание, касающееся объекта своей четырёхлетней привязанности.

Тогда, четыре года назад, героиня наша ещё не имела собственного магазинчика нижнего женского белья на первом этаже крытого и довольно бестолкового рынка неподалёку от дома. Она только перебралась с улицы под его крышу и торговала лифчиками и трусами с лотка в узком проходе. Вернее, не она торговала, а Люся – Анфиса же суежилась больше по снабженческой части.

Надеюсь, терпеливый и многоуважаемый читатель простит автора за столь извилистое повествование. Чувствую, чувствую, что снова заносит нас! Это метание от страстной любви к торговле лифчиками! Но, поверьте, без подобных скачков не получится полной картины романтической истории между героиней и Юрием Эразмовым – пострадают, потерпят урон и описываемые характеры, появятся разные вопросы, недоумение возникнет. Например, один читатель спросит:

– Откуда вообще взялась эта Люся с дрожащей щекой?

– А на какие, позвольте узнать, средства существовали эти две девицы? – заинтересуется другой.

– И почему они в одной квартире живут? Что это за безобразие такое! – недоуменно возмутится третий.

– И всё-таки не понимаю, какая может быть связь между торговлей трусами и любовной историей Распекаевой с Эразмовым? – с нетерпением воскликнет критик.

– Интересно, а откуда у старухи Яблочкиной мог взяться такой огромный капитал?! Она что, крестная мать мафии? – с пристрастием спросит ещё какой-нибудь пытливый читатель.

Но не спешите отбрасывать книгу! В повествовании все события связаны, одно тянет за собой другое, словно при вязании крючком, вытягивает из одной петли новую – хлоп накид, ещё петля, глядишь, и выйдет какой-нибудь чепчик. Так, слово за слово, событие за событием, автор, подобно крючку при помощи словоформ вывязывает полотно романа. Главное в вязании – петлю не упустить: иначе весь ваш чепец в дырах получится. Нам тоже важно ничего не утаить, обо всём рассказать, а то роман будет похож на шерстяную вещь, изъеденную молью.

Так вот, торговля лифчиками в проходе крытого рынка связана очень плотно и имеет самое прямое отношение к Юрию Эразмову и уж тем более к Люсе Подлипкиной. Но лучше копнуть поглубже, изобразить карьерный рост героини с самого начала, прежде чем она достигла таких высот, как торговля нижним женским бельём.

А дело было так.

Анфиса, ещё находясь в интернате, мечтала заработать много денег, ни в чём себе не отказывать, одним словом, жить (как любила выражаться её тётка) «как королева испанская». Хотя сомневаюсь, что Варвара Михайловна знала в точности, какова она, жизнь испанской королевы, но сердцем чувствовала, что катается данная монархическая особа с утра до ночи как сыр в масле, не ведая ни горечи, ни печалей, ни какой бы то ни было тоски. Уже в детстве Фиса Распекаева поняла, что заработать приличные деньги в этом мире можно тремя способами: либо воруя, либо торгуя, либо используя два эти способа вместе.

Как только героине нашей стукнуло восемнадцать лет, она немедленно начала действовать. Знаменательная карьера её началась с торговли в углу овощного рынка дешёвыми мужскими носками. Её не смутило невыгодное расположение торговой точки, она и там с помощью своего звонкого голоса и обаятельной улыбки ещё до обеда умудрялась сбыть с рук всю дневную партию носков. Через два дня работы у неё уже была своя клиентура – дамы от двадцати восьми до шестидесяти лет, которые, проявляя заботу к своим мужьям, будто под гипнозом скупали всю хлопчатобумажную продукцию у очаровательной весёлой девчушки, к которой тянуло, как магнитом. Девчушка эта, несмотря на свой юный возраст, рассуждала о жизни, браке и мужчинах, как опытная, выдавшая виды женщина, она всегда могла дать ценный совет, но только в том случае, если её об этом просили. Через неделю Анфиса поняла, что сама в состоянии съездить в выходной день на самый дешёвый вещевой рынок Москвы и купить там всего по три рубля оптом носки, которые отлично у неё расходились по пятнадцать рублей. Спустя две недели она, почувствовав запах легко заработанных денег, бросила лоток с носками и перешла в ларёк мужских рубашек – клиентура, скупив у неё носки всех мыслимых цветов и оттенков, утеплённые и тоненькие, с махрой на изнанке и начёсом сверху, перебазировалась и накинулась в каком-то неистовстве на рубашки, будто никогда в жизни их не видела. Мужские сорочки принесли Распекаевой более значимый доход по сравнению с носками (разница между их стоимостью на местном рынке и оптовой ценой превосходила в пять раз, а порой и в шесть, разницу в ценах мужской чулочной продукции).

Через полтора года героиня наша поняла, что нужно двигаться дальше (не торговать же весь век рубашками!), и перешла в *«Бутик модной верхней женской одежды»*, хлипкий, сооруженный из престранных строительных материалов, больше похожий на курятник. В этом «бутике», столь напоминающем помещение для содержания домашней птицы, продавались дублёнки и шубы (последний писк сезона!), якобы привезённые сюда из Италии, Англии, а некоторые модели из мирового центра моды, законодателя, так сказать – города Парижу. И те самые клиентки, что пару лет назад буквально давились за мужскими носками, а потом и за сорочками для своих благоверных, выстраивались теперь в очередь за стильными полушубками, кожаными плащами, меховыми пальто, привезёнными, положив руку на сердце, вовсе не из Италии, Англии и Парижа, а всё оттуда же, что и мужские носки с сорочками – с самого дешёвого рынка Москвы. Тут Анфисин навар побил все прежние рекорды, тут – в «бутике», похожем на курятник, она задержалась на семь лет, умудрившись сколотить приличный капитал, пока поздним январским вечером, вернее ближе уж к ночи, не случилось на рынке ужасающего по своему размаху пожара. И что самое подозрительное во всей этой истории, как выяснилось потом, огонь занялся именно с *«Бутика модной верхней женской одежды»*. Виноватых, как это часто бывает, не нашли, но странное дело: после пожара вся квартира нашей героини была завалена дублёнками и шубами. Нет, нет, нет! Автор ни в коем случае не может голословно бросать тень подозрения на несчастную сиротку, домысливая и предполагая, что-де она, Анфиса, каким-то образом причастна к воспламенившемуся, как карточный домик, рынку. Но то автор. А вот хозяйка бутика, как, впрочем, и начальство сгоревших торговых рядов думали иначе. Многие! О, очень многие считали виновницей бедствия нашу героиню, к тому же у этих многих имелись кое-какие факты, которые, собственно, и дали почву для такого рода подозрений.

Во-первых, Анфиса все три дня до того, как рынок был охвачен пламенем, трудилась на ниве торговли модной верхней одеждой в гордом одиночестве, поскольку её начальница была наповал сражена гриппом и, даже приложив нечеловеческие усилия, не могла бы подняться с постели и появиться на рабочем месте. Все три дня её отсутствия «бутик» бесчисленное количество раз закрывался, через полчаса открывался вновь, а саму Анфису Распекаеву некоторые её коллеги видели бегущей сломя голову то из «бутика» навьюченную, яко ослицу, странного рода поклажей, – за ней и рассмотреть было весьма затруднительно, кто несётся из

куратника модной верхней одежды, – то обратно, уже без ноши, налегке. Во-вторых, в тот злополучный день вообще никто не видел, как она покидала своё рабочее место – такое впечатление возникло у соседок-продащиц, что Распекаева растворилась в воздухе или... или... Или вообще никуда не выходила, а решила заночевать прямо посреди дублёнок и шуб. Это последнее туманное предположение (туманное, потому что в нём никто наверняка не был уверен) и породило множество сомнений в душе хозяйки «бутика», которой всё же пришлось приложить нечеловеческие усилия, подняться с постели, плюнув на высокую температуру, ломоту в суставах и головную боль, и появиться следующим утром на пепелище, а также у руководства рынка, которому теперь предстояло заново отстраивать торговые ряды.

Больше всех возмущался директор – Акоп Акопович Колпаков, мужчина лет пятидесяти пяти, лысоватый, склонный к полноте – нет, скажу точнее – уже, пожалуй, к ней склонившийся и более всего боявшийся оказаться в тюрьме. У него была своего рода мания или параноя на этот счёт – как кому угодно. Он то и дело говорил о темницах, застенках с пытками, которые применялись к арестантам в средние века, два раза в неделю даже посещал психотерапевта, надеясь посредством вялотекущих разговоров избавиться от терзающих его истощённый ум мыслей, но не помогали ни беседы с врачом, ни сеансы гипноза, ни лечебный профилактический сон. Мозг его отдохнул лишь тогда, когда пошли шушуканья по углам о том, что в поджоге виновна некая Анфиса Распекаева – особа двадцати семи лет, которая торговала модной верхней одеждой. Акоп Акопович моментально мысленно перепроецировал свои страхи по поводу средневековых пыток в каменных мешках и истязаний при допросах на неё и расслабился сразу, выкинув из головы навязчивую идею о том, что он непременно проведёт остаток жизни в тюрьме. Директор вызвал Распекаеву на ковёр, требовал от девицы признания, крича поначалу так громко, что вопли были слышны за чёрными обугленными стенами его чудом уцелевшего кабинета. Но с каждой минутой ор Колпакова становился всё приглушённое, и вскоре вовсе ничего слышно не стало, сколько бы не прикладывала своё острое, вытянутое кверху, будто у эльфа, ухо хозяйка сгоревшего бутика верхней модной одежды. Что там наговорила Акопу Акоповичу Анфиса – неизвестно, все видели только, как сам Колпаков, препровождая подозреваемую из своего кабинета, ласково, по-дружески так похлопал её по плечу и, сердечно пожав её мягкую ручку, гаркнул во всеуслышание:

– И чтоб мне никакой травли! Никаких наговоров на эту кристально чистую, честную девушку! Она тут среди вас всех как луч в этом, ну как его... – замылся он, вспоминая известную цитату, – сонном царстве! У самих рыло в пуху! Вот и перекинуть вину на невинного человека! – Акоп Акопович явно нервничал, а когда он волновался, речь его становилась косноязычной, прерывистой, похожей на лай взбесившейся собаки. – Не пойманный не вор! Только ещё троньте мне её! – заключил он и удалился в свой чудом уцелевший кабинет. Обескровленные и обанкротившиеся продавцы переглянулись в недоумении, хозяйка сгоревшего «бутика» схватилась за голову и, прошипев:

– Я тебя, суку, со света сживу, – пошла куда глаза глядят.

Тут надо заметить, что со свету она Анфису не сжила – более того, побаиваться её стала: никогда с ней в дальнейшем не заговаривала, стараясь спрятаться за шубами и дублёнками в новом отстроенном крытом рынке.

Что же касается нашей героини, то после той знаменательной ночи она решила работать только на себя, никому не подчиняться, иными словами, организовать своё дело. Средств у неё к тому времени было для этого достаточно – настолько, что она позволила себе передохнуть год – пока строился новый рынок, пока время не стёрло в умах коллег неприятные ассоциации, её касающиеся.

А по прошествии двенадцати месяцев, накупив всё на том же дешёвом рынке Москвы, где приобретались носки, рубашки и супермодные дублёнки с шубами, гору лифчиков и трусов, Анфиса арендовала место на первом этаже недавно отстроенного крытого и бестолкового

рынка и принялась бойко торговать женским нижним бельём с лотка в узком проходе, соединяющем вещевой рынок с рынком продуктовым.

Торговала бы она сама так и торговала, если б одним хмурым, серым, слизистым даже каким-то, словно шляпка гриба после проливного ночного дождя, мартовским утром перед ней не предстала в бежевом прорезиненном плаще с навесной кокеткой, какие были очень распространены в пятидесятых годах прошлого столетия, грузная девица со здоровым свекольным румянцем на щеках, который давно исчез, стёрся с лиц жителей больших городов.

«Этой нужно что-нибудь попроще, какой-нибудь хлопковый бюстгальтер с широким кружевом», – подумала тогда Анфиса, но барышня со свекольными щеками и в бежевом плаще с навесной кокеткой, кажется, покупать ничего не собиралась. Она стояла, глядя телячьим, каким-то водянистым, отсутствующим взором на прилавок – рот её постепенно открывался всё больше то ли от многообразия ассортимента, то ли от собственных, невесть каких мыслей.

Так и простояла она минут десять, как истукан, а героиня наша уж и не мечтала продать ей простой хлопковый лифчик с широким кружевом, поняв, что эта пышная особа подошла к её лотку по какой-то совсем другой причине. Анфиса незаметно принялась с любопытством разглядывать её – то кося глазами, то исподлобья, нагнувшись над коробками с товаром, делая вид, что страшно занята, пересчитывая его.

Если говорить о внешности девицы, то она была полной противоположностью хозяйке лотка с нижним бельём – Бог обделил её какой бы то ни было контрастностью. Вся белёсая – брови, волосы, которые очень низко обрамляли лоб, были настолько светлыми, что казалось, незнакомка всю жизнь свою провела под палящим солнцем. Губы её, слишком пухлые и влажные, придавали лицу не столько выражение наивности или чувственности, сколько глуповатости, даже, осмелюсь заметить, некоторой дебилости.

– Девушка, может, вам помочь? – любезно осведомилась Анфиса, когда уж столь долгое стояние странной девушки у её лотка стало несколько подозрительным.

– Да! Да! Да! Помочь! Да! – возбуждённо заголосила та. – Мне нужно, нужно... – и она словно выключилась.

– Я думаю, вам подойдёт вот этот, взгляните, – Анфиса протянула ей тот самый простой хлопковый лифчик с широким кружевом. – У меня глаз намётан, можете не сомневаться!

– Крас-сивый, – протянула девица. – Но он мне не нужен.

– Не понимаю, – Анфиса играла роль дуручки – она уже минут пять назад поняла, что престранная девица ничего у неё не купит и стоит возле неё по какому-то совершенно другому поводу, по какому именно, Распекаева ещё не разгадала, но то, что толстуха оказалась в безвыходном положении, она почувствовала сразу, потому как не только глаз у нашей героини был намётан касательно размеров бюстгальтеров, но и вообще у нее от природы имелся поразительный для её возраста жизненный опыт.

– Мне работа нужна. Я у вас хочу работать, помогать! Я бы для вас всё делать стала! – горячо заговорила девица, и по щекам её будто разливался свекольный сок, выступая на висках, ушах, подбородке, с поразительной быстротой просачиваясь на шею.

Видимо, Анфиса явилась конечной остановкой в её поиске работы – никто на рынке, как вещевом, так и продуктовом не желал брать её. И на то имелось две веские причины. Во-первых, девица была явно туповата и оставлять её торговать одну слишком опасно – непременно будут недостачи, просчёты и, ещё чего доброго, скандалы с покупателями. Во-вторых, ей негде было жить и кроме паспорта, где указано, что престранную особу звать-величать Людмилой Матвеевной Подлипкиной, что прописана она в никому неизвестной деревне, какой и на карте-то не отыскать, с чудным названием Бобрыкино, в доме № 15, что она не замужем и ей двадцать пять лет, никаких документов у неё не было.

Наша же героиня, пока Людмила Подлипкина рассказывала ей душещипательную историю о своей нелёгкой судьбе и о причине, которая, собственно, и побудила её приехать в сто-

лицу, присматривалась к ней, пытаясь разгадать натуру девушки из Бобрыкино и думая, как она, Анфиса, сможет использовать её в своём бизнесе.

Оказалось, что Людмила Подлипкина прибыла в Москву, дабы отыскать обманщика и кобелину (она так и выразилась в порыве гнева – «кобелину»), некого Гошу Монькина – студента ветеринарной академии, что приезжал к ним в Бобрыкино этой зимой из Москвы на двухмесячную практику. Он увлёк её на сеновал, соблазнил хмурым студёным вечером, обесчестил, растоптал её девичье достоинство, а через неделю, уезжая, обещал вернуться и забрать Люсю в Москву, да, видно, напрочь забыл о существовании Подлипкиной, стоило ему только миновать вывеску с перечёркнутым названием деревни.

Ни через неделю, ни через месяц, ясное дело, за бедной Люсей никто не приехал, а сама она почувствовала что-то неладное в своём организме – больно часто тошнота стала к горлу подступать, да голова кружиться, чего раньше с ней никогда не бывало. (В скобках замечу, что Люся Подлипкина обладала крепким здоровьем и немереной силой – ни разу в жизни не болела, если не считать ветрянки в нежном возрасте, которая оставила на её круглом лице несколько крупных рытвин, да время от времени дёргающейся в нервном тике щеки, что явилось последствием её встречи с медведем в зарослях малины в чаще леса. Шестилетняя Люсенька даже попыталась было постоять за свою территорию, но когда Топтыгин встал на задние лапы и громко заревел... нет, пожалуй, то был не рёв, а нечто похожее на истошное мычание коровы, девочка, побросав палку и лукошко в разные стороны, помчалась куда глаза глядят. Дома она появилась под вечер с дёргающейся правой щекой и судорожно мигающим правым же глазом.)

Через две недели после отъезда кобелины обесчещенная девица знала уж наверняка, что носит у себя под сердцем не то сына, не то дочь того самого прыщавого студента, который обманом, уговорами и обещаниями затащил её на холодный влажный стог сена в деревянном кособоком сарае с дырами и щелями, похожем на дуршлаг.

– И забеременела я ни с того ни с сего, – плакалась Люся нашей героине и, надо сказать, совершенно не лукавила – она действительно не поняла, как это получилось – она отчётливо помнила, как Гоша, пообещав подарить флакон духов, заманил её на сеновал, помнила, как карабкалась на него (на сеновал), помнила жаркие объятия и поцелуи... Последней её отчётливой мыслью было: «Странно, тут должно быть очень холодно, а я вся горю – и уши у меня горят, и щёки, и всё остальное! С чего бы это? Наверное, от стыда». После этой случайно забредшей в её голову мыслишки, она словно рассудок потеряла и обрела его лишь тогда, когда Монькин вжикнул молнией на ширинке и торжественно вручил ей пузатую склянку с одеколоном, на этикетке которого крупными буквами было написано: «Lisht» и «Made in France». Удивительно, но аромат этого «Made in France» чрезвычайно походил на запах вонючего аэрозольного препарата, именуемого дихлофосом, для истребления таких опасных насекомых, какими являются мухи, которые способствуют распространению многих инфекционных заболеваний, как то: дизентерия, брюшной тиф, полиомиелит... Да что там говорить! Даже яйца глистов переносят эти широко распространённые двукрылые насекомые!

После сего события влюблённая Люся пару раз встречалась с Гошей Монькиным, предвительно надушившись подаренным ей одеколоном, но надо сказать, что более не было между ними никакой связи, кроме воздушно-капельной (если таковая существует в природе). Может, студент из Москвы нашёл в Бобрыкино кого-то получше Люси Подлипкиной, посимпатичнее да постройнее, может, его вкус замыкался исключительно на девственницах (бывают и такие представители мужской части населения земного шара, уверяю вас), а, может, его отталкивал запах того одеколона, который он сам же и подарил ей знаменательным вечером на сеновале в дырявом сарае.

Напоследок, скорее всего, ради красного словца Гоша пообещал наивной, доверчивой Люсе, честь которой была поругана и утеряна теперь безвозвратно, вернуться за ней через

неделю. Но, как, наверное, читатель уже догадался, никто за бедной Люсей не приехал, не забрал её в столицу с ребёнком под сердцем и, надо заметить, насколько бы Подлипкина ни была глупой и наивной, она тоже это поняла и засуетилась. Купила билет до Москвы и прибыла в столицу сама – мол, если гора не идёт к Магомету, то Магомет должен идти к горе, оставив в доме № 15 деревни Бобрыкино отца, сильно увлекающегося самым популярным напитком, да и продуктом вышеназванной деревни – самогоном. Да, да, продуктом! Некоторые жители деревни Бобрыкино вовсе ничего не ели, а только пили, потому что тратить деньги на продукты питания считали поступком сверхлегкомысленным.

Приехать-то в Москву она приехала, но вот адреса так называемой «горы» она не знала, и вообще всё Люся представляла себе по-другому, не так, как оно оказалось в действительности. Она-то думала, сойдёт с поезда, спросит у первого встречного: «Где тут живёт обманщик и кобелина Гоша Монькин?» И тот самый первый встречный – она даже представила его себе – несомненно, будет похож на Дениса Петровича Затикова – местного предпринимателя, который прибыл лет семь назад в Бобрыкино вместе с семьёй и первым делом бросился восстанавливать, поднимать из пепла сельское хозяйство. Сначала он приобрёл трактор и, вдоволь намучившись с безалаберными и безответственными жителями деревни, у которых не было никакого желания поднимать из пепла сельское хозяйство – всё они делали спустя рукава, на трактор садились в состоянии совершеннейшей отчуждённости от реальности, пару раз чуть было не угробили новенькую самоходную машину, господин Затиков пошёл на крайнюю меру – решил обучить вождению трактором восемнадцатилетнюю Людмилу Подлипкину, единственного человека в деревне, который не познал ещё всей прелести винопития. И надо сказать, не безуспешно – спустя три месяца напыщенная от гордости и собственной значимости Люся уже рассекала на тракторе по родным лугам и полям.

Однако идея возрождения сельского хозяйства потерпела фиаско – то ли звёзды были расположены не для его развития, то ли техники было маловато, то ли погодные условия не благоприятствовали, то ли всё вместе – одним словом, сельское хозяйство деревни Бобрыкино как было в упадке, так в нём и осталось. А господин Затиков решил попытать счастья на ниве предпринимательства. Он отправил Люсю переучиваться на вождение легковых машин – теперь Денис Петрович хотел видеть в её лице своего личного водителя. Он продал трактор, купил «Волгу» и спустя два месяца открыл в Бобрыкино продовольственный магазин, а ещё через неделю бар с пятью столиками под названием «Дымина», который впоследствии пользовался большой популярностью у местных жителей, потому, наверное, что работал круглосуточно, там всегда можно было купить в розлив кружку пива или рюмку водки и к тому же приятно провести время с друзьями-приятелями – по крайней мере, по-человечески – в тепле, за столиком, как в зарубежных фильмах.

Питейные заведения росли в округе, как грибы после дождя (судя по всему, именно для такого рода деятельности в тот год, да и во все последующие семь, звёзды были расположены самым что ни на есть благоприятным образом). И всё было бы хорошо, и Люся продолжала бы развозить целыми днями своего начальника и благодетеля, раздобывшего, розовощёкого, с окладистой бородой, чёрными умными с хитрецей глазами и вихром, всегда устремлённым назад (такое впечатление, что Затиков всё время стоял на сильном ветру, даже находясь в машине), отчего казался Подлипкиной чрезвычайно интеллигентным человеком. Вот на него-то и должен в воображении Люси быть похож тот самый первый встречный, у которого она спросит, сойдя с поезда: «Вы не подскажете, где тут живёт гнусный обманщик и кобелина Гоша Монькин?»

Но всё случилось не так, как это себе представляла бедная обманутая девушка. Очутившись на платформе, она увидела тьму первых встречных. Они передвигались с невероятной скоростью (в Бобрыкино так быстро никто не ходит – размеренно и спокойно течёт жизнь бобрыкинцев – им некуда торопиться, никто их не ждёт, и никто ничего не спрашивает с них; они

забыли, что это значит «опаздывать на работу» – работала в деревне одна только Люся, да и от неё господин Затиков не требовал вставать чуть свет и гнаться сломя голову, дабы вовремя приступить к своим обязанностям). Пока Подлипкина с удивлением наблюдала за москвичами, которые будто с цепи сорвались, рот её открывался всё больше и больше; она стояла как столб, а её пинали сумками, тележками, чемоданами, какой-то лысый мужик наступил ей на ногу, и Люсе показалось, что сделал он это нарочно, со злостью – отдал ей пальцы и дальше побежал.

– Здравствуйте, – поприветствовала она гражданина, который остановился на мгновение, взглянул на часы и помчался обратно. – Здрассте! – крикнула она рядом стоявшей женщине средних лет, что-то подсчитывающей на калькуляторе. Дама посмотрела на неё поверх очков, фыркнула и, вернувшись к подсчётам, воскликнула с досадой и злобой:

– Опять накололи! Да что ж это такое! Гады! – после чего крепко выругалась и, подхватив светлый чемоданчик, сорвалась с места, подобно торпедой с заданной траекторией – три, два, один... Столкновение с гадами и... взрыв!

У Люси рябило в глазах, голова кружилась от непривычного движения толпы, но она не отчаялась, продолжая здороваться с кем попало. К великому изумлению ей в ответ никто не желал здоровья – люди в основном проносились мимо, некоторые недоуменно глядели на неё, а посмотрев, шарахались, как от прокажённой.

Странно, почему это тут никто не здоровается, думала она, наконец сделав первый шаг в сторону светло-зелёного здания вокзала, у нас в Бобрыкино все друг с другом здороваются; значит, в деревне люди культурнее, сделала Люся вывод, остановившись у газетного киоска. Но надо ведь узнать, где живёт этот кобелина – Гоша Монькин, размышляла она и, взглянув на киоскершу, сидящую без дела, решила рискнуть:

– Здрассте! – крикнула она в окошко.

– Что хотели? – неохотно отозвалась та и оторвалась от вязания бесконечного шарфа, хотя... Хотя, может, это был и не шарф, а что-то другое, но длинное и полосатое.

– Вы не подскажете мне, где живёт Гоша Монькин?

– Какой ещё Монькин! Вы совсем, что ли, девушка, с ума сошли!

– Почему? Я, я, я, иа, иа, – и правая Люсиная щека задёргалась, глаз замигал произвольно. – Пр... Пр...

– Вам что, плохо? – испугалась женщина и отложила своё полосатое, удивительно длинной изделие.

– Я сп-ециально из Б-б-бобрыкина приехала! Эта сволочь об-бманула меня, об-брюхатила! И никто не зна-, зна-ет, где он живёт! И что мн-не делать? Куда идти? К-куда? Тут со мной даже никто не здоровается! Не то что у нас в деревне! У нас в Бобрыкино все друг с другом здороваются-я-я! – и Люся вдруг заревела белугой.

– Ну это тебе не Брыкино, это город! А если идти некуда, так могу сдать угол на пять дней, но не больше, а там ко мне внук приедет.

– Некуда. Совсем некуда идти, тётенька! Совсем! Ага, ага, – и Подлипкина затрясла головой.

Как велела ей «тётенька», Люся просидела в вокзальном зале ожидания до восьми вечера, а к восьми подошла к киоску и тем же вечером уже пила чай с Клавдией Павловной (так звали «тётеньку»), рассказывая ей про свою работу на тракторе, потом на «Волге», про бар «Дымина», который, в конце концов, оправдал своё название – жители Бобрыкино действительно напивались там в дымину. Рассказ её венчала история о сеновале, пузатом флаконе духов под названием «Made in France» с подозрительным и противным запахом дихлофоса, которым, собственно, и была оценена её девственность, кою она хранила двадцать пять лет (и если уж честно, то никому из деревенских парней её невинность особо не была нужна – их больше интересовал бар «Дымина» да походы за цветными металлами на соседнюю разграбленную ферму).

– И забеременела я ни с того ни с сего, – заключила она, после чего Клавдия Павловна велела ей укладываться на узенькой кушетке в кухне, сама же отправилась почивать в комнату на широкой арабской кровати.

Ночью Люся проснулась от резкой боли внизу живота. Чего-то не то съела, подумала она, и метнулась в туалет, однако из неё вышло совсем не то, чем потчевала её Клавдия Павловна за ужином, а та самая причина, из-за которой, собственно, она и приехала в столицу разыскать отца своего ребёнка. Теперь же ребёнка никакого не стало и поиски Гоши Монькина потеряли всякий смысл.

Почему произошёл выкидыш, остаётся только гадать: может, резкий контраст между деревней и городом так шокирующе повлиял на несостоявшуюся роженицу, или тот факт, что в Москве никто ни с кем не здороваются, а может, отчаяние по поводу того, что не оказалось на Люсином пути первого встречного, похожего на господина Затикова, который бы с ходу отчеканил ей адрес лжеца Монькина.

Известно лишь, что к врачу Подлипкина идти наотрез отказалась, обосновав это тем, что она здоровая, никогда ничем не болела, кроме ветрянки, и докторам ни разу в жизни не показывалась.

– Ну, тогда хоть полежи, что ли, сегодня, – посоветовала ей Клавдия Павловна и отправилась на работу – довязывать свой полосатый шарф да торговать свежими новостями, которые тухнут чрезвычайно быстро. Новость, пожалуй, если можно так выразиться, самый скоропортящийся продукт на свете – смотришь, то, что было поражающим и интересным умы большинства людей вчера, сегодня уж никого не занимает и не волнует.

Многое за сутки передумала Люся. О себе, о своей жизни, о москвичах. Никогда она так много не думала и сама себе удивлялась. Я как в город приехала, словно умнее стала, решила она, и на следующее утро вышла из дома вместе с Клавдией Павловной.

– Учти, до вечера гулять придётся! Я тебе ключи не доверю! – предупредила её киоскерша и, записав на клочке газеты свой адрес, чтобы жиличка не заблудилась в городских джунглях, снова отправилась на вокзал, торговать новостями и вязать своё бесконечное изделие.

Люся же шла по улице, разинув рот – то в одну сторону посмотрит, то в другую, то обернётся, а то и поздоровается с незнакомым человеком по старой привычке. «Машин-то, машин! – удивлялась про себя Подлипкина. – Не то что у нас в Бобрыкино – одна „Волга“ товарища Затикова. А тут их как муравьёв в муравейнике – видимо-невидимо! Толкаются, вперёд лезут, прямо как люди на вокзале!

Особенно впечатлила Люсю мигающая реклама: «Казино. Без проигрыша», «Восьмёрочка. Самые низкие цены», «Аптека: уценка стимулирующих препаратов для мужчин», «Магазин. Продовольственная авоська»... Вот бы нам такую картинку на «Дымину», мечтала Люся, мы б её, конечно, утром выключали, а то что это за расточительство такое!

Озадачила её одна престранная вывеска: «Булочная „ГАДЮША“». Что это за „гадюша“, задалась вопросом Люся, и до того ей стало интересно, отчего булочную так чудно называли, что она зашла внутрь и спросила у полной чернобровой продавщицы, предварительно поздоровавшись, почему это „Гадюша“ называется „Гадюшей“?

– Дак первая ж буква развалилась! Кто-то булыжник швырнул ночью, всё никак исправить не можем!

– А какая первая буква была?

– «В». Вообще-то булочная называется «Вадюша» – это наш директор её в свою честь назвал. Его Вадимом зовут. Да, – растолковывала она, – А хулиганы ночью булыжником шваркнули... Да так удачно, что получилось «Гадюша», – прошептала чернобровая продавщица, и тело её затряслось от хохота.

Ходила Люся, знакомясь с окраиной столицы до обеда, и всё ей тут нравилось, казалось намного веселее, чем в Бобрыкино, где кроме неё да господина Затикова не встретишь ни одной трезвой физиономии. И дома большие, высокие, и народу много, и вывески красивые, как фонарики на ёлке в доме культуры, что в районном центре построили лет двадцать назад – каждый день тебе Новый год, – размышляла Люся, и вдруг её осенило, что обратно домой она не поедет, а тут останется.

– Нужно найти работу и угол, у Клавдии Павловны жить осталось три с половиной дня, потом к ней внук придет, а я окажусь на улице. Надо о себе позаботиться, – проговорила она вслух довольно громко – так, что толстая тётка в сером пальто и с огромным, обтянутым чёрной бархатной бумагой ободком на голове с золотой пряжкой, позаимствованной с солдатского ремня, остановилась и, в упор глядя на Подлипкину, произнесла загробным голосом:

– Все в этом городе с ума сошли. Ходят – сами с собой разговаривают. Ой, не приведи Господи вот так ходить и на всю улицу с собой трепаться!

– Здравствуйте! – ещё громче и со всей выразительностью, на какую была способна, проговорила Люся.

– Ку-ку, – прошептала тётка и сорвалась с места, как ошпаренная.

– Ну никто не здоровается! Надо же! Наверное, уже не модно, – буркнула себе под нос Людмила, и ноги её сами привели на местный рынок. – Вот где нужно работу искать! – воскликнула она и, окрылённая, ринулась в рыбный отдел.

Но ни в рыбном, не в молочном, ни в кондитерском, ни в мясном, ни в каком-либо другом отделе в Люсе Подлипкиной никто не нуждался – никому не нужна была девушка без московской прописки и без жилья, да ещё в придачу и подозрительного вида – с раскрытым ртом и то и дело дёргающейся щекой. Та же участь поджидала её и на вещевом рынке – тут продавцы тоже от неё шарахались, мотали головой в знак того, что им никто не нужен. Наконец Люся, совершенно разочарованная огромным городом, где никто не здоровается и не нуждается в ней как в рабочей силе, уже собираясь выходить, узрела аппендиксный коридорчик, присоединённый к узкому проходу, соединяющему вещевой рынок с рынком продуктовым. Узрела и поняла, что это её последняя надежда, спасительная соломинка, за которую надо ухватиться и держаться, пока тебя не вышвырнут вместе с соломинкой.

Именно в этот момент, момент отчаяния и безысходности, Людмила Подлипкина и предстала перед нашей героиней в то самое хмурое мартовское утро в бежевом прорезиненном плаще с навесной кокеткой, какие были очень распространены в пятидесятые годы прошлого столетия. После того как Люся заявила, что ей нужен вовсе не хлопковый лифчик с широким кружевом, а работа, Анфиса не стала сразу отказываться от девицы из Бобрыкино, а всмотревшись в неё повнимательнее, спросила:

– Что ж ты делать умеешь?

– Много чего! Возьмите, не пожалеете! Только мне жить негде и денег почти нет, но я отработаю. Всё отработаю, не сомневайтесь!

Анфиса интуитивно почувствовала, что провинциальная девица может ей быть полезной – она сразу распознала в ней какую-то нечеловеческую, даже, пожалуй, собачью преданность и поразительную готовность выполнить всё, что она ей не скажет, а главное – так это то, что девица всегда будет относиться к ней с глубочайшим почтением что ей в голову не придёт считать себя ровней Анфисе. Разгадав таким образом Люсину наивную натуру, Распекаева сделала вывод, что из всего этого можно извлечь немалую выгоду. К тому же наша героиня переживала тогда не лучшие времена – её тётушка (ныне почившая) два месяца назад взгромоздилась на стремянку, чтобы достать с антресолей шляпку, да то ли неудачно её установила, то ли стремянка уже была стара, но завершилась эта идея со шляпкой крайне плачевно – Варвара Михайловна покачнулась, взвизгнула от испуга и неожиданности и, не успев как следует вздохнуть, рухнула на блестящий дубовый паркет «ёлочкой», которым всегда очень гордилась. Результа-

том лазания за шляпкой явился перелом тазобедренного сустава. Тётка, не привыкшая к боли, была теперь целыми днями, требовала повышенного внимания со стороны племянницы. Племянница же по причине крайней занятости продажей лифчиков и трусов на крытом и бестолковом рынке на окраине города склонила свою бывшую опекуницу нанять сиделку.

Первый месяц после выписки из больницы Варвара Михайловна забавлялась тем, что ежедневно устраивала кастинг подходящей сиделки. В доме побывало много женщин, готовых за немалые деньги не отходить от жертвы модных шляпок, но тётка капризничала, посылая кандидатов куда подальше:

– Эта слишком молода! Зачем она мне?! Я – лежащая, встать не в состоянии, проследить за ней не могу. Знаю я, чем она будет в моей квартире заниматься! Воровать да мужиков водить! Воды не принесёт! Не дозовёшься! Иди, иди, откуда пришла, – и только за кандидаткой захлопывалась дверь, тётка, забыв про свою больную ногу, заливалась гомерическим смехом.

Если приходила женщина в летах, Варвара Михайловна спрашивала ее, серьёзно так:

– Простите, а кто из нас за кем ходить будет? Вам уж самой, голубушка, сиделка нужна! Ступайте, ступайте с миром! – и снова, откинув кудрявую, надушенную дорогими французскими духами (не то что там каким-то подозрительным «Made in France», пахнущим дихлофосом) голову на пышные подушки в батистовых наволочках, тётка заливалась диким хохотом.

– Фисочка, а как ты думаешь, не нанять ли нам с тобой какого-нибудь симпатичного медбратика из больницы? А? Как ты на это смотришь? – ещё прыская, лукаво, кокетливо даже, спрашивала она.

– Отрицательно, – шипела в ответ Фисочка и приводила на следующий день новых кандидатов.

– Нет, нет, это всё не то, – насмеявшись, говорила привередливая тётушка, – Мне нужна ответственная женщина, которая понимала бы всю серьёзность своей работы. Я плачу, я и музыку заказываю! Тут требуется человек, который сознавал бы, что его наняли дежурить у постели тяжелобольной, несчастной женщины! – обычно подобные слова тётка произносила перед тем, как в очередной раз завывать.

Сиделка нашлась лишь спустя два месяца. Варвара Михайловна вдруг заявила, что допустит к себе только глубоко верующего человека, который посещает каждую неделю церковь, молитвы разные знает и т.д. и т.п. Лёд тронулся, так думала Анфиса, когда сломя голову летела к ближайшей церкви, которой оказалась, как назло, церковью «Благостного милосердия и щемящей сострадательности» (Фиса, естественно, тогда не ведала, что творит). Дождавшись конца собрания, Распекаева подошла к лавке сопутствующих товаров с красочными брошюрами, разноцветными шнурками, стеклянными шариками и, проникновенно глядя на пожилую бесцветную женщину с конским седым хвостом на макушке, поделилась своей проблемой. Та, подумав с минуту, посоветовала обратиться ей к Наталье Егоровне Уткиной, которая в тот момент пыталась заполучить ярко-зелёный свитер, вырывая его из рук маленькой сухонькой старушенции, хотя та, несмотря на свой небольшой рост и худобу, вцепилась в него мёртвой хваткой и дарить никому не собиралась.

– Что это они делают? – поинтересовалась Анфиса.

– Гуманитарную помощь делят, – спокойно ответила женщина с конским хвостом на макушке и кивком указала на огромную гору тряпья, что была навалена поодаль, у окна.

Делёжка свитера закончилась плачевно для обеих «милосердянок» – тот рукав, за который тянула Наталья Егоровна, затрещал по шву, и большая часть вожеленной вещи осталась в руках немощной с виду старушки. Уткина злобно посмотрела на соперницу и оставила её в недоумении изучать изуродованный свитер – сама же подскочила к лавке сопутствующих товаров и принялась что-то возбуждённо, в экстазе даже, нащёптывать бесцветной женщине с седым конским хвостом на макушке. Высказав наболевшее, Уткина удостоила наконец Анфису взглядом – более того, когда услышала, сколько ей будут платить за сидение у постели больной,

закивала головой в знак согласия, сразу сказала, что одинока и родственников у неё никаких нет – мол, могу вообще не отходить от вашей тётушки ни днем, ни ночью, поселиться-де у неё, у вашей благодетельницы могу. Проговорив это, Наталья Егоровна затеребила поясок длинного и широкого коричневого платья с протёртыми, просвечивающимися локтями, явно не с её плеча, и впала в странное сомнамбулическое состояние.

Тем же вечером Уткина ввалилась в роскошную тёткину квартиру, держа в руках скромный узелок, видимо, с самыми необходимыми вещами, и с порога заявила, что никуда отсюда теперь не уйдёт, потому что идти ей некуда, поскольку свою квартиру она уже умудрилась сдать.

В то хмурое, серое, слизистое, словно шляпка гриба после проливного ночного дождя, мартовское утро, когда перед нашей героиней предстала круглолицая белёсая девица со свекольными щеками, Наталья Егоровна Уткина ещё не знала о том, что в скором времени станет сиделкой у капризной, эгоистичной дамы с переломанной шейкой бедра, что они будут с ней ругаться с утра до ночи и находить в этой ругани особую прелесть, из-за которой до самого конца не смогут расстаться.

Фисочке в тот момент остро, как никогда, нужен был человек, который мог бы заменить её за прилавком, пока она не найдёт для тётки подходящую сиделку.

– Что ты умеешь делать? – повторила Анфиса свой вопрос, хотя теперь её это мало интересовало – она уже приняла решение взять девицу в помощницы.

– На тракторе умею ездить! – с нескрываемой гордостью, даже хвастливо воскликнула Люся.

– Ну на тракторе-то по городу вряд ли поездишь, – задумчиво проговорила торговка нижним бельём – так, словно сама с собой разговаривала. – Раз трактором управлять умеешь, значит, и машину водишь? Ну, легковую машину? – в Анфисиной голове уже зрели поистине наполеоновские планы: «Можно будет купить какой-нибудь подержанный автомобиль, взять в аренду целый магазинчик и возить бельё не на себе, а на машине... Эту девку за прилавок поставить, а самой по снабженческой части...».

– И на «Волге» могу, – заносчиво сказала Люся и от волнения сглотнула слюну так, что видно стало, как кадык её заходил ходуном. Засим Подлипкина подробно, можно сказать, в красках поведала знакомую уже читателю историю о Денисе Петровиче, о том, как рассекала на тракторе по родным лугам и полям, как потом стала личным водителем товарища Затикова и о печальном конце – об обманщике и кобелине Гоше Монькине, которому как-то незаметно для себя отдала девственность за флакон духов с запахом дихлофоса под названием «Made in France» и по вине коего, собственно, попала в Москву.

– Так ты беременна? – в голосе Анфисы прозвучало удивление и разочарование – ведь Люся в положении ей была совсем ни к чему.

– Да нет уже – ребёночек выкинулся прошлой ночью сам собой, ни с того ни с сего, как и появился, – утешила Анфису Подлипкина и блаженно заулыбалась.

С того самого дня (вот уж четыре года) Анфиса ни разу не расставалась с Люсей более, чем на день. Поначалу героиня наша предоставила ей маленькую комнату, предупредив, что будет удерживать деньги за съём из зарплаты, потом оказалось, что компаньонке для полного счастья надо очень мало – чтоб было где спать, питалась она чем угодно – ела много и что попало, могла, к примеру, за один присест уписать огромную кастрюлю макарон без масла и каких бы то ни было соусов и приправ. В конце концов, Людмила Подлипкина вообще оказалась для нашей героини подарком судьбы – деньги ей были особо не нужны, а всё без чего она не могла обходиться, у неё было. Рядом находился человек, намного умнее и смекалистее её, который руководил ею, направляя на путь истинный; крыша над головой, полная кастрюля любимых макарон или сковорода жареной картошки на ужин. В одежде Подлипкина была столь же неприхотлива, как и в еде. Единственное, без чего не могла жить Люся, так

это без телевизора, в котором её интересовали одни бразильские или мексиканские сериалы. После приключившейся истории с Гошей Монькиным, в которого она влюбилась и который так жестоко обманул её, Люся стала умнее. С мужиками не связывалась, шарахалась даже от них, приговаривая: «От этих гадов одна только беда!» Никому не верила, кроме своей хозяйки, которой была, как и предполагала Распекаева, по-собачьи предана и относилась к ней с подострастием, раболепием, а иной раз и страх перед Анфисой испытывала, если что не так делала. «Анфисой» называть её Люся позволяла только в особых случаях – когда Распекаева бывала весела или какую промашку допускала, а так Подлипкина называла её «хозяйкой» или «Анфис Григорьевой». Сразу замечу, что страсть к мыльным операм только укрепляла Подлипкину в убеждении, что верить никому нельзя. Вперившись глазами в экран, она, обливаясь слезами, бормотала:

– Все мужики коварные, все обманщики, никому верить нельзя!

Люся терпеливо ждала хорошего конца, какой обычно бывает в подобных фильмах, сопереживая героям сериала годами, не пропуская ни одной серии, а по окончании действия со счастливой улыбкой на устах и с ликованием в сердце, что все злодеи получили своё, а положительные персонажи вышли в «дамки», изрекала с тяжёлым вздохом:

– Так только в кино бывает!

О, куда нас, однако, занесло! От Юрия Эразмова в деревню Бобрыкино, к предпринимателю Затикову, в его бар «Дымина», на сеновал в дырявом, как дуршлаг сарае! Не преминули мы заглянуть и в привокзальный газетный киоск, где увидели добрейшей души женщину – Клавдию Павловну с её бесконечным полосатым шарфом, хотя, может, вовсе и не шарф она вязала, а что-нибудь другое... Также уважаемый читатель узнал о сердцеде и обманщике Гоше Монькине и о том, что не перевелись на Руси наивные девушки – дожив до двадцати пяти лет, они и не знают, откуда дети берутся. И заметьте, никакой корысти в таких девицах не наблюдается – ведь подумать только! За флакон с сомнительными духами подарить первому заезжему молодцу свою честь! Своё достоинство!

Автор приносит глубочайшие извинения читателю за столь зигзагообразное повествование, но поделать ничего не может, и в дальнейшем будет придерживаться подобного стиля изложения, потому что по-другому плести данный роман невозможно – такая уж ломаная линия жизни у наших героев – вихляет из стороны в сторону, петляет, того и гляди потеряешь её из виду или, не дай Бог, оборвётся она где-нибудь на самом интересном месте... Вот и приходится, чтобы не упустить из виду эту самую линию, гнаться за героями – к благополучному или печальному финалу истории (как знать, каким оно будет – окончание романа?), останавливаться, выжидать, подглядывать за ними, подобно шпиону, в замочную скважину, назад возвращаться, потому что то одно неясно, то другое непонятно...

Но вернёмся, наконец, к Анфисе, которая всё лежит на широкой постели в одиночестве, пытаясь выудить из бочки памяти, кишмя кишущей разными воспоминаниями, определённое, связанное с Юриком Эразмовым. Вот-вот! Подцепила. Тянет, тянет... Вытащила.

Это случилось спустя два месяца после знакомства с Люсей Подлипкиной. Приближались майские праздники, но Анфиса не собиралась их отмечать никоим образом – она была настроена работать, работать и ещё раз работать. Дело в том, что у неё теперь появилась цель, к которой она шла целеустремлённо, никуда не сворачивая. Цель состояла в открытии собственного бутика женского нижнего белья, название которого она уже давно придумала. Да, собственно, и думать-то особо долго ей не пришлось, потому что бутик мог называться не иначе как «Анфиса». Ну не могла же Распекаева назвать свой магазинчик «Люся»! Смешно просто!

Героиня наша всё уже рассчитала, наметила и решила взять в аренду помещение, где буквально месяц назад её бывшая хозяйка ещё торговала модной верхней женской одеждой, скупленной на вес, оптом, на самом дешёвом рынке Москвы, выдавая её за последний крик сезона Италии, Англии и самого города Парижу. Что-то у неё снова не заладилось – может,

опять не повезло с молоденькой продавщицей, которую она наняла, как только обосновалась после пожара на новом месте, может, снова настигло её банкротство и во второй раз хозяйка магазина не смогла этого пережить, а может, часто болеющей гриппом женщине надоело торговать шубами и дублёнками. Как знать? Да нам это и не нужно знать. Важно лишь то, что наша героиня заметила это светлое квадратное помещение за стеклом и буквально заболела навязчивой идеей снять его в аренду. Она даже ходила к директору рынка – Акопу Акоповичу Колпакову, разузнать поподробнее о цене. Цена показалась ей запредельной, космической, просто-напросто фантастической, отчего рвения у неё поубавилось, однако идеи своей она не оставила и всё думала над тем, как бы ей заполучить вожделенное помещение по минимальной стоимости.

И вдруг прямо накануне майских праздников к лотку с нижним женским бельём подходит охранник с редким именем Касьян – светловолосый здоровенный детина лет двадцати пяти с перебитым носом и рассечённой бровью и говорит:

– Кто из вас того... Ну... Этого... – изрёк и замолчал. Судя по всему, при виде такого богатого и разнообразного выбора на одном прилавке интимнейших предметов женского туалета у Касьяна вылетело из головы, зачем он вообще сюда явился.

– Не поняла, какого «того-этого»? – бойко спросила Анфиса.

– Ну-у-у, – протянул он, – Распекаева тут кто будет?

– Я Распекаева! А в чём дело?

– Ты это, ну... Тебя Акоп Акопыч к себе требует, говорит, сходи, Касьян, за Распекаевой, что в аппендикоксе нижним бельём торгует.

– Хорошо, Касьян, сейчас приду.

– Не-е, я должен тебя препроводить, – отрезал он, и взгляд его устремился на белый бюстгальтер десятого размера с широченными бретелями. – Неужто и такие бывают? – спросил Касьян ошалело.

– Бывают и не такие. Пошли, хватит на лифчики пялиться, – Анфиса не церемонилась со служащими рынка низшего эшелона, к которым относилась охранников и уборщиц, однако и на рожон не лезла.

Увидев Распекаеву на пороге своего кабинета, директор рынка порывисто вскочил из-за стола (настолько порывисто, что опрокинул на пол своё директорское кресло) и бросился к ней с распростёртыми объятиями:

– Касьян, иди, иди, охраняй, работай, давай, давай, – суетливо затараторил он, буквально выталкивая охранника своим внушительным брюшком, которое напомнило Анфисе бугристый нарост, наподобие гигантской чаги, или нет – скорее капа дерева грецкого ореха, который она когда-то видела на картинке в энциклопедии и который может достигать двух метров в диаметре. Когда же Акоп Акопович протянул ей руку, то и на тыльной её стороне она увидела жировые наплывы... И на холке огромный нарост... Надо же, как он раздобыл, а я и не заметила, думала Распекаева, широко улыбаясь начальнику, обнажая свои белые от природы, будто вставные фарфоровые, зубы. И теперь, спустя год после рокового пожара, что занялся с бутика модной верхней женской одежды, больше сходного с курятником, уж никак нельзя было назвать товарища Колпакова лысеющим: все его тоненькие волосы, похожие на пух, отчего голова его напоминала отцветший одуванчик, на который подул сильный ветер, снеся добрую половину пушинок, окончательно вылезли – осталась лишь уморительная бороздка на затылке, которой директор страшно гордился. Отчего за год с Акопом Акоповичем произошли такие метаморфозы? Скорее всего, он облысел и прибавил в весе на нервной почве. Весь год его голову занимала лишь одна мысль – она была главной, центральной, стержневой – как бы за ним ни пришли из-за случившегося пожара, да не уpekли в каталажку, как бы удержаться на своём посту и сохранить всё, как есть. И весь год бедный Акоп Акопович мучился, лысел и молотил всё, что мог переварить его многострадальный желудок. Так длилось до тех пор, пока

неделю назад он не увидел Анфису Распекаеву в своём кабинете, которая зашла справиться о цене светлого квадратного помещения, где совсем недавно продавались шубы и дублёнки. Увидел – и будто током его ударило, будто электрический заряд пропустили через него... Одним словом, Акоп Акопыч влюбился, а как подступиться к объекту своей любви, не знал. Думал он, думал, ломал голову, ломал и вдруг, очнувшись, заметил, что страшная мысль о застенке и средневековых пытках оставила его, и во второй раз произошло это благодаря Анфисе. Тогда Колпаков поставил перед собой цель. «Эта девушка должна стать моей», – сказал он себе и решил перейти к активным действиям, первым пунктом которых явилась вечеринка в ночном клубе «Искры и молнии» в честь праздника весны, любви и труда – Первого мая. Ради приличия и того, чтобы всё выглядело не слишком явно, Акоп Акопович пригласил на вечеринку своего заместителя, бухгалтера, продавщицу из отдела «Всё по десять рублей», дородную женщину лет сорока восьми с кривыми, перехлёстнутыми друг на друга передними зубами, вечно пурпурной физиономией и перегарным запахом изо рта, мясника с продовольственного рынка – настоящего фаната своего дела (вы бы только видели, с каким упоением он рубит мясо на колоде!), охранника Касьяна тоже позвал: «Пускай охраняет», – решил Колпаков. И все эти вышеперечисленные особы были приглашены на банкет в клуб «Искры и молнии» только ради того, чтобы Анфиса не заметил никакого подвоха, и их история любви началась бы самым естественным образом (по крайней мере, Анфисе бы так казалось).

– Не смейте, не смейте отказывать! – и Акоп Акопович замахал коротенькими толстыми ручками, будто говоря, что никаких отказов и отговорок он не потерпит. – Я ваш директор! Я вас пригласил в «Молнии и искры» или как там его... И вы не отвертитесь! Все идут! Все, кого я позвал! И вы пойдёте! – речь его с каждым словом становилась всё больше похожей на лай взбесившейся собаки, он явно нервничал, боялся, что девушка его мечты сейчас ответит ему отказом и тогда наверняка в голову снова внедрится эта жуткая, болезненная мысль о застенке и средневековых пытках, от которой у него мурашки бегают по всему телу, а на лбу периодически, в самые неподходящие моменты выступает холодный пот.

Однако героиня наша и не думала отказывать милому Акопу Акоповичу – напротив, его приглашение она восприняла, как очередной подарок судьбы, который даёт возможность поговорить о снижении цены на аренду пустующего светлого помещения, где ещё совсем недавно торговали мехами и дублёнками. Она была уверена, что в неофициальной обстановке беседа будет вестись куда раскованнее и непринуждённее, нежели в кабинете с грозным директорским креслом (хоть и опрокинутым).

– Да с чего вы взяли, что я откажусь?! Я с удовольствием составлю вам компанию, это большая честь для меня, – Анфиса минут пять рассыпалась в благодарностях. Голос её гипнотизировал Колпакова, сначала он показался ему журчащим весенним ручейком, а потом Акопу вдруг почудилось, что ангел сошёл с небес и, стоя перед ним, обещает, что никто и никогда не посадит его, Колпакова, в тюрьму и уж тем более не подвергнет средневековым пыткам.

– Я так счастлив, так счастлив! – вне себя от радости заголосил Акоп Акопович. – Мы собираемся завтра в девять вечера у центрального входа на вещевой рынок.

– Вот и чудненько, вот и замечательно, – промурлыкала Анфиса и одарила директора неземной улыбкой. – До завтра, – сказала она и собралась было выйти из кабинета, но Акоп Акопович засуетился, кинулся ей навстречу, потом вдруг встал посреди комнаты, как столб, и членораздельно проговорил:

– В двадцать один час ноль минут, – бедняга очень боялся, что Распекаева не придёт и на всякий случай уточнил время.

На следующий день наша героиня, разодетая, как куколка (если бы Варвара Михайловна увидела её в тот момент, сказала бы непременно, что племянница выглядит ну точь-в-точь, как испанская королева) без пятнадцати девять уже была на месте – она боялась опоздать, потому что от этого вечера зависела вся её дальнейшая коммерческая деятельность. Распекаева не

сомневалась в успехе – ей ничего не стоило в неофициальной обстановке убедить директора рынка сдать ей в аренду вожаемое помещение, скинув от начальной цены процентов тридцать.

Естественно, Анфиса была не так глупа, чтобы совсем не понимать, почему её пригласили в клуб «Искры и молнии». Всё она прекрасно знала и была готова к обороне и одновременно к дипломатической беседе с противником в лице влюблённого Акопа Акоповича. Её стратегия заключалась в правильности и своевременности действий. Первым делом нужно было очаровать Колпакова до такой степени, чтобы он потерял голову с истерзанным мозгом, который превратился в подобие плотной спрессованной массы из опилок по вине навязчивой и выматывающей мысли о пытках и застенках. После сей нехитрой операции надо действовать твёрдо и напористо, так сказать, атаковать противника, пустив в ход весь свой обвораживающий арсенал – от ораторских способностей, которые героиня наша тесно связывала с тембром голоса, интонацией, даже ритмикой произносимых слов, до мельчайших движений, как то: незаметное, будто случайное прикосновение своей изяшной ножкой к слоноподобной ножище Акопа Акоповича, или глубокий вдох, от которого высокая Анфисина грудь соблазнительно приподнялась бы, подобно дрожжевому тесту...

Но не буду мучить многоуважаемого читателя разработанной накануне тактикой и стратегией нашей находчивой героини, а сразу перенесу его в мерцающий разноцветными огнями ночной клуб «Искры и молнии», где в первую майскую ночь наблюдалось большое скопление народу. Однако этот факт ничуть не помешал Анфисе очаровать Акопа Акоповича. Она уже успела околдовать его своим мелодичным голосом, умудрилась скользнуть по его здоровенной ножище своей десятисантиметровой шпилькой настоящих австрийских туфель (а не купленных на самом дешёвом рынке Москвы), оставалось лишь глубоко вздохнуть... и Колпаков, несомненно, потеряет рассудок.

– Ах, – томно вздохнула Анфиса. Взгляд Колпакова, уже разгорячённого и изрядно нахлебавшегося заморских спиртных напитков, сфокусировался на соблазнительной пышной груди сотрудницы.

– Что вы со мной делаете, Фиса! Вы сводите, сводите меня с ума! – возбуждённо воскликнул он и хотел было дотронуться до круглого Анфисиногo плечика, но сил у него, отяжелевшего от обильной еды и питья, хватило лишь на то, чтобы громко, по-исполиски, заглушив на несколько секунд зажигательную латиноамериканскую музыку, рыгнуть. Продавщица из отдела «Всё по десять рублей», одетая по случаю праздника в своё лучшее синтетическое платье нагло оранжевого цвета с явным излишком люрекса, из-за чего напоминала воспламенённое, набитое тряпьем и соломой чучело, олицетворяющее зиму и сжигаемое на Масленицу, заржала как лошадь и тоже довольно громко и неприлично икнула ему в ответ.

– Перестрелка началась, – заметил бухгалтер – худосочный мужичок, как пить дать язвенник. Он усмехнулся и, прикрыв локтём тарелку с отбивной котлетой на рёбрышке, вернулся к своему занятию: одной рукой он сгребал всё, до чего мог дотянуться – бутерброды с сыром, икрой, ветчиной, бананы, апельсины, ухитрился даже кисть винограда смахнуть в бумажный пакет, что стоял у него на коленях, другой пытался закрыться от окружающего мира, надеясь, что никто не видит, как он таскает со стола.

– Акоп Акопыч, а бухгалтер бутерброды тырит, – шепнул Касьян директору на ухо, считая своим святым долгом (его ведь и позвали сюда в качестве охранника) незамедлительно поставить в известность товарища Колпакова, что в компании завёлся вор.

– Отстань, болван! – шикнул на него Акоп Акопович, разозлившись, что ему не дают как следует пообщаться с дамой сердца, – Анфис-сочка! Конфет-тка вы моя! Яг-годка! Помидоринка! – мучительная икота как зараза перешла с продавщицы в огненном платье на директора рынка; он злился – злился на бухгалтера-клептомана, на остолопа Касьяна, на отрыви-

стые произвольные звуки, исходящие из собственной глотки. – Всё против того, чтобы я признался вам в любви! – успел выпалить он и снова икнул.

– Да что вы, дорогой Акоп Акопович! Миленький, это не так! Вот, выпейте, промочите горло, – и «помидоринка» подсунула директору стакан сорокапятиградусной водки. Тот выпил залпом, не отрываясь и, закусив солёным огурцом, огляделся по сторонам пьяным взором и ошеломлённо проговорил:

– Помогло! Спас-сительница ты моя! Проси, что х-хочешь! – теперь директор не икал, не рыгал – язык его заплетался, натываясь на зубы, расположенные в шахматном порядке, высывался, будто ему места во рту не хватало, сворачивался в трубочку, пытался даже дотянуться до кончика носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.